

Майя Герман

БЕЗ ПРАВА ВЕРНУТЬСЯ

Где страсть играет не по правилам —
Жизнь разделяется на ДО и ПОСЛЕ

18+

Без права вернуться

Майя Герман

Без права вернуться

«Автор»

2026

Герман М.

Без права вернуться / М. Герман — «Автор», 2026 — (Без права вернуться)

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ РОМАН. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА. ПЕРВАЯ КНИГА ДИЛОГИИ. 18+ Я прилетела в Иорданию, чтобы собрать себя по кусочкам после тяжёлого развода. Искала покоя, но Халид не оставил мне шанса. Эта страсть обрушилась слишком стремительно. Не успев опомниться, я оказалась в его абсолютной власти. Одна ночь в пустыне Вади-Рам, один роковой поворот по дороге в аэропорт — и моя прежняя жизнь оборвалась. Без права вернуться. Теперь я пленница в особняке, затерянном в сердце гор. Вертолёт на площадке — единственная нить, способная связать с цивилизацией. Здесь, среди древних камней и чужого менталитета, страсть быстро сменяется жестокостью, а иллюзия любви — борьбой за существование. Я лингвист, привыкший к порядку и логике, но в этой обители порока — лишь тень, лишённая права слова. Тень не может восстать против хозяина. Но способна ли она его переиграть?

© Герман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. Тропа свободы в лабиринт судьбы	6
ГЛАВА 2. Тени восточного города	10
ГЛАВА 3. Слишком много взглядов	13
ГЛАВА 4. Порог чужой судьбы	16
ГЛАВА 5. Тропа предчувствий	19
ГЛАВА 6. Под небом пустыни	22
ГЛАВА 7. Между желанием и страхом	24
ГЛАВА 8. Вино и пепел	27
ГЛАВА 9. Предатель	29
ГЛАВА 10. После шторма	32
ГЛАВА 11. Без права забыть	34
ГЛАВА 12. Коралловые розы	41
ГЛАВА 13. Созерцание как сила	42
ГЛАВА 14. Крайний вечер отдыха	44
ГЛАВА 15. Без права остаться	45
ГЛАВА 16. За гранью доверия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Майя Герман

Без права вернуться

Пролог

Меня зовут Агата.

Сейчас мне за шестьдесят.

Я живу в месте, где утро начинается с аромата кофе, а полдень — с жасмина. Здесь много солнца, старых книг и тишины, в которой легко дышится.

У меня есть всё самое ценное: дорогие моему сердцу люди, любимое кресло у окна и место, давно ставшее домом.

Хотя порой я ловлю себя на том, что ищу глазами прошлое — будто оно всё ещё где-то рядом. В складке занавески. В звуке шагов по утреннему полу. В строчке, которую я уже читала, но всё равно перечитываю.

Годы растворили многое — страны, имена, даже отражения.

Но одну историю время не смогло стереть.

Потому что она — не выдумка.

Она — моя кровь. Моя плоть. Моя душа.

И в какой-то момент она сама попросилась — быть рассказанной.

Как прощание.

Как память.

Как искупление.

Я записываю её не ради славы. И не ради оправдания.

А потому что чувствую — пришло время.

Истории, которые не были рассказаны, имеют дурное свойство повторяться.

Всё началось весной 1999 года.

Мне было тридцать пять.

Преподавала языки в институте.

Я только-только развелась.

Была ещё молодой, но уже познала вкус разочарований.

Свой очередной отпуск я решила провести в восточной стране, в которой никогда не бывала прежде.

Хотела просто уйти в тень. Перезагрузиться. Обнулиться.

Чтобы потом — вернуться и продолжить с чистого листа.

Без боли. Без долгов.

Я и представить не могла,

что именно в тот майский день, в то самое далёкое утро, когда я стояла в аэропорту, сжимая посадочный талон,

моя жизнь уже начала меняться.

Медленно, как песок, сыплющийся сквозь пальцы.

Необратимо. Навсегда

Дорога, по которой я тогда ступила,

*Оказалась путём — **Без права вернуться.***

ГЛАВА 1. Тропа свободы в лабиринт судьбы

Мой рейс был назначен на раннее утро — тот самый час, когда Москва только просыпалась, а я уже шла вперёд на автопилоте. Аэропорт казался сонным, хотя вокруг гудели тележки, щёлкали чемоданные замки и мерцали экраны табло. В воздухе смешались запахи кофе, металла и дороги — той особенной дороги, которая начинается там, где всё меняет своё направление.

Подруга настояла, что отвезёт меня сама. Мы добрались на старенькой скрипучей «восьмёрке», доставшейся ей от отца. Пока я проходила регистрацию, Зоя не отступала ни на шаг, следуя по пятам, как хвостик. В тот момент, когда мой чемодан поплыл по ленте, я заметила, как она нервно поглядывает на часы. В глазах читалась вселенская тоска, будто она отправляла меня не в отпуск, а на другую планету.

Процедура прошла быстро, словно сама судьба подталкивала: ну же, иди вперёд!

Мы ненадолго расположились за столиком у панорамного окна. Подруга не притрагивалась к кофе — только водила пальцем по тёплой керамике чашки и то и дело бросала взгляды по сторонам.

— Агата... — она наклонилась ближе. — Скажи честно: тебе не страшно лететь одной?

— Страшно, Зой. До дрожи страшно, — я покачала головой. — Но мне нужна эта поездка. Долгие месяцы я живу как в вакууме. Вроде работаю, двигаюсь, а дышать нечем.

Она задумалась и на мгновение прикрыла глаза.

— Я просто не понимаю, как мама тебя отпустила. В другую страну, одну... Я бы на такое путешествие точно не решилась.

— Мама и не знает, что я улетаю в отпуск, — я горько улыбнулась. — Я сказала, что еду на стажировку в языковой центр. Это почти правда. И согласись, есть несправедливость в том, что я много лет преподаю арабский и английский, пишу статьи, а сама ни разу не была в мусульманской стране. Хочу наконец услышать живую речь, увидеть Восток своими глазами. Понимаешь? И если не сейчас, то когда?

Зоя посмотрела куда-то поверх моей головы, будто в собственные страхи.

— Просто... ты сейчас слишком хрупкая. Сама не своя после всего этого кошмара. И в то же время — стремительная, будто пытаешься обогнать время. Боюсь, что ты не в Иорданию рвёшься, а пытаешься сбежать от себя.

— Возможно. Но если не сделать этот шаг — я так и останусь в болоте, в котором погрязла. А в нём мне больше не место.

Она покачала головой, словно спорила сама с собой, и крепко сжала мою ладонь.

— Конечно... Понимаю... После всего, что ты пережила, тебе действительно нужно отвлечься. И к тому же ты всегда была смелее, чем кажешься на первый взгляд. Просто переживаю за тебя.

— Ты мой самый близкий человек, Зой. Если кто и понимает меня по-настоящему — так это ты.

Её ресницы дрогнули, и по щекам мгновенно покатались слёзы, размывая тушь в чёрные дорожки. Я достала из сумки носовой платок и принялась аккуратно промакивать уголки её глаз.

Зоя шмыгнула носом, глядя на меня совершенно несчастным взглядом. У меня защемило в груди, горячие слёзы подступили и к моим глазам.

Мы увидели свои кислые чумазые лица в отражении зеркальной колонны напротив и тут же прыснули в истерическом смехе. Один носовой платок на двоих и недоумевающие взгляды людей, сидящих за соседними столиками, развеяли тяжёлое напряжение и дали выход эмоциям.

— Напиши мне оттуда. Хотя бы пару раз, — голос подруги всё ещё дрожал, но она уже улыбалась. — И фотографируй побольше. Хочу увидеть всё то, что увидишь ты.

— Хорошо. У меня три плёнки «Кодак» с собой.

— Фотоаппарат не забыла?

— Нет, конечно!

Время поджимало. Сердце ёкнуло — пора. Мы поднялись. Зоя обняла меня крепко-крепко. Дрожали не только руки — казалось, само пространство вокруг нас. Я уткнулась ей в плечо и вдохнула знакомый запах духов — тот самый, не менявшийся последние лет десять. Запах «ты не одна», запах крепкой дружбы.

Она провела ладонью по моим волосам и медленно обвела взглядом.

— У меня такое чувство, Агата... будто твоя жизнь сейчас делает поворот. И куда он выведет — не вижу. Только необъяснимо ощущаю, будто всё изменится.

Это не было пророчеством — лишь женское чутьё. Но слова Зои врезались в меня и отозвались долгим эхом, оставив тревогу.

— Всё будет хорошо. Две недели. Всего две. Амман, Петра, Акаба... Маршрут продуман до мелочей. И наконец — свобода.

Но слово «свобода» кольнуло внутри неожиданно остро. Оно будто отразилось от пустоты, образовавшейся в жизни после развода. Я училась заново принадлежать себе.

Мой брак закончился банально и подло. Я отчаянно хотела детей, но муж постоянно накладывал вето, находил отговорки и просил подождать. Так и жили, пока в один из дней, когда я была на лекциях, он не собрал тайком свои вещи, оставив на холодильнике записку: «Я уезжаю в другой город. У меня там будет ребенок, я должен быть с ними. Прости». Осознание, что он отдал другой женщине то, в чём отказывал мне годами, выжгло меня дотла. Сбежал. Оставив после себя недосказанность — и тишину, в которой сгинула моя привычная реальность.

Я направилась к зоне досмотра. У самого поворота обернулась. Подруга стояла в пёстрой толпе и отчаянно махала мне рукой, провожая взглядом. Я послала воздушный поцелуй и наконец шагнула в неизвестность.

Гул двигателей наполнял салон, отсекая Москву и всё то, что нещадно крало мои жизненные силы.

Впервые летела одна.

Впервые — за границу.

Впервые была по-настоящему свободна.

Нарастающий шум заглушал отголоски прошлого, но мысли предательски возвращались в болезненную недосказанность. Я сидела и думала о том, что никто не обязан любить до конца и никто не должен объяснять, почему перестал.

В этот момент рядом со мной остановился мужчина. Высокий. Крепкий. Он точным жестом забросил сумку на багажную полку и расположился в соседнем кресле.

— Доброе утро. Вы в Турцию? — спросил он дружелюбно.

— Нет, в Иорданию. Транзитом через Стамбул, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально. Разговаривать не хотелось.

Он улыбнулся.

— Я тоже туда. Иван, — и протянул руку. — Работаю инженером в Аммане. Возвращаюсь из отпуска.

— Агата, — я вежливо пожала его ладонь, но развивать тему не стала. Ограничилась сухим: — Преподаватель арабского и английского.

— О как, — он чуть приподнял брови. — Решили устроить себе практику? Тогда приготовьтесь к сильным впечатлениям. Иордания умеет удивлять.

Его слова прозвучали уверенно. Обычно так говорят люди, которые знают, о чём говорят.

— Там очень красиво, но всё совсем по-другому, — сказал он. — Непривычно, иногда даже чересчур.

— Мне как раз и нужны новые впечатления, — отозвалась я, глядя в окно на взлетную полосу. И неожиданно для самой себя тихо добавила: — Достаточно долго всё вокруг было слишком привычным.

Он посмотрел на меня так, будто хорошо понимал то, о чём я умолчала. Но лезть в душу не стал — промолчал.

Мы практически не общались в полёте, однако временами я ловила на себе его изучающий взгляд. Словно он видел во мне что-то, чего я сама о себе ещё не знала.

Меня потряс масштаб аэропорта в Стамбуле. Он был невероятно огромным. В этой хаотичной толпе пассажиров и бесконечных лабиринтах можно было легко заблудиться. Но Иван уверенно прокладывал путь. Я следовала за ним, не отставая. Доверяясь его ритму. Он стал моим временным проводником — той самой счастливой случайностью, которая появилась в самый нужный момент.

В Иорданию мы прилетели поздним вечером. Воздух встретил жаром, сухостью, запахом специй и раскалённого камня. Как будто я переступила порог иной реальности.

На паспортном контроле меня задержали. Пограничник долго листал мой новый, только что полученный паспорт. Хмурился. Подозвал старшего офицера. Они заговорили между собой на беглом арабском. Не подозревая, что я ловлю каждое слово.

— Проверь эту одиночку, — негромко бросил старший. — Паспорт совершенно чистый. Подозрительно.

Пограничник повернулся ко мне с суровым лицом, спросил про цель визита, потребовал показать бронь отеля.

Внутри всё сжималось от волнения. Но я взяла себя в руки, стала общаться с ними на английском, дала все ответы и предоставила документы. Оглянувшись по сторонам, я увидела Ивана. Он уже миновал пост, но не ушёл, стоял в стороне и ждал меня. Это придало спокойствие. Когда они наконец убедились, что с документами всё в порядке и я не представляю опасность, мне вернули паспорт и пропустили.

Мы вместе с Иваном забрали чемоданы и вышли в тёплую ночь. Его встречала служебная машина.

— Могу подбросить вас, если хотите. Здесь всё по пути.

Но я лишь покачала головой:

— Спасибо Иван. За мной должны приехать из отеля.

Он кивнул, но посмотрел внимательно — будто проверяя, хватит ли мне храбрости остаться одной в чужом городе. Потом протянул визитку.

— Как знаете. На всякий случай. Здесь многое... иначе. Если что — звоните.

В его взгляде промелькнуло что-то ещё, кроме заботы. Молчаливое приглашение?.. Но я не готова была принять его сейчас.

— Благодарю, — ответила, глядя прямо в глаза. — Правда. Спасибо за приятную компанию.

Он улыбнулся — чуть печально.

— Берегите себя, Агата. И... доверьтесь этой поездке. Иногда судьба выбирает нас раньше, чем мы — её.

Я нашла своего водителя с табличкой в руках и села в машину. В салоне было удивительно свежо от кондиционера, и пахло чем-то сладко-пряным, похожим на кардамон. Мы выехали на ночную трассу. Город тянулся вдоль неё — золотистый, тёплый, мерцающий. По

спине пробежали мурашки. Как предчувствие. Словно я переступала невидимую грань, и дорога позади растворялась.

Я достала из сумки блокнот и сделала запись: «Я добралась. Я в Аммане. Моя мечта сбылась, но почему мне так тревожно? Почему кажется, что я приоткрываю дверь в таинственный лабиринт?»

Ночь слушала. И у меня было странное ощущение, что она уже знала обо всём, с чем мне только предстояло соприкоснуться.

ГЛАВА 2. Тени восточного города

Я добралась до отеля ближе к полуночи. Золотистые огни фасада разливались по каменной кладке, напоминая: это другой мир. Ступив в прохладное лобби, тут же ощутила аромат крепкого кофе и какой-то особой восточной пыли, перемешанной с теплом земли.

Несмотря на поздний час, администратор быстро зарегистрировал меня, а портье сопроводил до номера. С балкона сквозь ночную дымку виднелись огни старого Аммана. Столица медленно отходила ко сну. Разбирать вещи не оставалось сил. Быстро приняв душ, я упала на кровать, чувствуя себя одновременно жутко уставшей и взвинченной. Голова отказывалась отключаться, словно мое тело уже прибыло, а душа все еще паниковала где-то между прошлым и настоящим.

Я очень плохо спала в ту ночь. Сон был поверхностным и рваным. Лица, лабиринты аэропортов и строчки из записки на холодильнике слились в единый давящий гул.

Наутро я проснулась разбитой. Умываясь, зацепилась взглядом за свое отражение в зеркале. Из него на меня смотрела потерянная женщина с растрёпанными волосами и припухшими глазами. Человек, который тайком паковал чемоданы, пока я читала лекции, сейчас наверняка был счастлив в ожидании ребёнка. От этой мысли внутри снова спазмировалось, горькая обида осела на сердце пеплом. Но я заставила себя глубоко вздохнуть и до белизны в пальцах сжала края раковины. Я прилетела сюда лечиться. Значит, нужно начинать.

Надев коричневое платье в белый горох я спустилась на поздний завтрак. Каким же вкусным и чистым был этот воздух Аммана! Так густо пах специями, цветущим жасмином и совершенно не шёл в сравнение с загазованной Москвой. Рассматривая залитые ярким солнцем пальмы и слушая певучую арабскую речь вокруг, я ощутила робкий, но такой долгожданный укол чистой радости. Я наконец-то была здесь. Сидела на просторной террасе, медленно потягивая кофе и впитывала в себя восточную магию утра.

В какой-то момент я почувствовала на себе пристальный взгляд.

Я посмотрела вниз, на улицу. Там, через узкую дорогу, в тени пальм расположился открытый ресторан. За угловым столом сидела компания восточных мужчин. Один из них — в безупречно белой рубашке — наблюдал за мной, не скрывая интереса. На вид ему было около сорока. Смуглая кожа, идеальная осанка и абсолютно хищный, сканирующий взгляд, от которого по коже пробежал мороз. Он смотрел так, словно уже знал обо мне всё, включая мои страхи.

Не выдержав его взгляда, я отвела глаза, уставившись в свою чашку. Сердце почему-то застучало быстрее. А ещё через минуту подошедший официант вежливо опустил на мой столик изящное пирожное и красный бутон — словно гранатовый цветок, оставшийся без стебля.

— Комплимент от господина, что сидит в ресторане напротив, — тихо произнёс он на английском и чуть склонил голову. — Он просил передать: добро пожаловать на нашу землю. И добавил: раз вы гостя в этом городе, то любые ваши счета здесь уже закрыты. Не отказывайте себе в нашем отеле ни в чём.

От этих слов по спине пробежала волна жара. Я растерянно посмотрела через дорогу, и незнакомец тут же перехватил мой взгляд. На секунду я замерла, не зная, как реагировать на эту пугающую щедрость. Чуть заметно, почти на автопилоте кивнула в знак вежливости. Мужчина в ответ медленно приложил ладонь к груди и слегка склонил голову, продолжил удерживать меня своим откровенным, гипнотическим вниманием. Оборвав этот безмолвный диалог, я резко отвернулась и поспешила уйти вглубь отеля.

По дороге в номер я постоянно оборачивалась. В пустых коридорах не покидало ощущение, что за мной кто-то идёт. Пыль, тени на ковровой дорожке, шаги портье в отдалении — всё казалось угрожающим. Оказавшись за дверью и повернув ключ в замке, я наконец перевела

дух. Страхи рассеялись. Я заставила себя успокоиться: это просто Восток, здесь свои правила гостеприимства. Предвкушение новой страны быстро взяло верх над глупой тревогой.

Переодевшись в скромное закрытое платье, я отправилась на свою первую прогулку по городу. Хотелось поскорее вдохнуть этот манящий мир, заглянуть в лавки торговцев. Но стоило сойти с крыльца отеля, как внутри всё сжалось. У обочины стоял припаркованный массивный темный внедорожник с тонированными стеклами. Сквозь лобовое стекло на меня в упор смотрел мужчина. Не тот, из ресторана, а другой — с суровым, непроницаемым лицом.

Снова стало не по себе, но тут же привычно включила логику. Я иностранка, одна, в чужом городе — банальное любопытство.

Совладав с тревогой, я заставила себя пойти дальше, вглубь улиц Джебель-Аммана. Бродила, рассматривая старинные каменные дома, расписанные фресками, вслушивалась в говор прохожих. Мужчины, женщины в хиджабах, играющие дети — все разглядывали меня с неподдельным интересом. Но в этом внимании не было враждебности. Наши эмоции были взаимны: они удивлялись мне, а я — им, и в этой разности миров было что-то завораживающее, необычное.

Я не знала, мерещится мне это или происходит наяву, но весь день ощущала чьё-то молчаливое присутствие за спиной. И интуиция не подвела. Знакомый внедорожник вновь стоял поблизости, когда после ужина я вышла из кафе. Сидящий в нём мужчина, как и прежде, сверлил меня взглядом, не покидая машины. Мои сомнения переросли в тревожную догадку: за мной следят.

Я поспешила вернуться в отель и заперлась в номере. Сердце колотилось. Все попытки успокоиться и отвлечься были тщетны. Пробовала читать книгу, включала какой-то фильм по телевизору, но мысли упрямо возвращались к чёрному внедорожнику и незнакомцу в ресторане. Между ними определённо существовала связь.

Я набрала Зое короткое сообщение на своём новеньком сотовом. Международный роуминг стоил безумных денег, но мне нужно было выговориться: «Добралась. Иордания великолепна! Мужчины красивые. В кафе мне принесли десерт и цветок от незнакомца. Как сюжет из фильма! Целую. Ещё напишу». Ответ от подруги пришёл быстро, высветившись на маленьком монохромном экране: «Осторожнее там! Ты не представляешь, чем такие фильмы заканчиваются». Я рассмеялась. Но ощутила тревожное покалывание под кожей. Интуиция подсказывала: Зоя права.

На третий день после завтрака дорога привела меня на холм, к древней Цитадели. Оттуда открывался головокружительный вид на каменные кварталы Аммана. На этой залитой солнцем вершине мне посчастливилось подружиться с милой местной кошкой — она так уверенно запрыгнула ко мне на колени, будто мы были знакомы в другой жизни. Страхи постепенно отступали, уступая место восторгу. На рынке Сук аль-Халу я купила яркий бирюзовый палантин с золотыми вкраплениями. Продавец с сединой в бороде долго вёл со мной беседу, а я уверенно отвечала ему, довольная тем, как свободно и чисто звучат мои слова на арабском.

Но по пути в гостиницу иллюзия безопасности рассыпалась. Сзади снова выросла тень. Я резко обернулась — и лицом к лицу столкнулась с преследователем. Наш контакт глазами длился считанные секунды, но время словно замедлилось. Я видела, как расширились его зрачки. Он явно не ожидал, что обернусь. В этот миг я успела заметить одну пугающую деталь: вдоль его правой щеки тянулся узкий рваный шрам. Словно кто-то однажды рассёк лицо ножом. Это добавляло облику дикости и неумолимости. Он совершенно не вписывался в окружающую толпу, в нём не было суеты — напротив, исходила какая-то собранная сила, спокойная и тяжёлая, будто стоял особняком. Тут же взяв ситуацию под контроль, он растворился в людской массе. В груди перехватило дыхание, а ноги на секунду стали ватными. Сердце заколотилось где-то у самого горла. Логика, которой я так усердно прикрывалась последние дни,

окончательно капитулировала. Это была настоящая слежка. Охота, в которой мне отвели роль преследуемой жертвы.

Вернувшись в отель, я дрожащими пальцами достала сотовый и набрала маму — мне отчаянно нужно было услышать родной голос. Мы созванивались нечасто и говорили предельно коротко. Она сняла трубку после первого же гудка:

— Доченька, ну как ты, милая? Где ты сейчас?

— В Аммане, мама, — я с трудом сглотнула подступивший к горлу ком, изо всех сил стараясь сдерживать дрожь в голосе. — Тут так красиво... люди приветливые. А город — как ожившая сказка. Всё в песке, в цвете охры и закатного золота. Ты бы видела, как он выглядит с высоты Цитадели!

— Слава богу, родная. Отдыхай, набирайся сил, — ласково ответила мама, и мы попрощались.

Я опустила телефон и прилегла на кровать. Пойти на ужин так и не решилась — после встречи с тем человеком была слишком напугана, чтобы выходить на улицу в позднее время. Немного перекусив фруктами, я провела весь оставшийся вечер в четырёх стенах, вздрагивая от каждого шороха в коридоре. Мысли то и дело упрямо возвращались к преследователю.

ГЛАВА 3. Слишком много взглядов

Утро моего последнего дня в Аммане началось с лёгкой грусти. Я уже знала, что вечером уеду в Петру — место на автобусный тур было забронировано через местное агентство, оставалось только забрать посадочный талон. Весь маршрут по Иордании мы по крупицам распланировали вместе с моей коллегой-историком. Она с супругом путешествовала по этим местам годом ранее. Опираясь на её шпаргалки в блокноте, я чувствовала себя уверенно: знала названия отелей, где планировала останавливаться, и адреса экскурсионных бюро. Дорога до Петры должна была занять чуть более трёх с половиной часов. Тур обещал быть ночным, атмосферным: с ужином под звёздами и остановкой у Вади-Муса — деревушки у входа в знаменитый каньон.

Я приняла бодрящий душ и надела льняное платье цвета слоновой кости. Мне было всего тридцать пять, но иногда я чувствовала себя так, будто прожила две жизни. Прошрое снова коснулось сознания горькой вспышкой, заставляя чувствовать пережитую боль вновь, как будто это произошло только вчера. Девочка моя, когда ты перестанешь проживать это снова и снова? Когда наконец станет легче? Я ведь приехала сюда вытаскивать из затяжного пике свою израненную душу. Но обида и злость по-прежнему душили, не желая отпустить.

А вот кого в этой поездке мне действительно не хватало, так это моей Зойки. Она поддерживала меня все последние месяцы после развода: таскала по мероприятиям, на немислимые встречи в женском клубе, а когда у меня совсем подкатывал ком к горлу — брала своего йорика Бусю и приезжала ко мне на всю ночь. Жаль, что она не нашла возможности полететь со мной. Вдвоём путешествовать гораздо веселее. Зойка заслужила эту поездку как никто другой, и ей бы здесь точно понравилось: жаркое солнце, шумный восточный колорит, чай с мятой, жареный сыр и торговцы, выкрикивающие цены, будто актеры в древнем спектакле.

Я взяла плёночный фотоаппарат и отправилась на завтрак. Снова устроилась на балконе ресторана, откуда открывался вид на старинные постройки. Я заказала хумус, табуле, тёплый лаваш и кофе. Пока ждала официанта, сделала несколько снимков, а потом набрала маме короткое СМС на кнопочном телефоне. Написала, что учебный курс окончен и сегодня вечером я покину Амман. Ответ пришёл быстро: «Будь предельно осторожной». В этих трёх словах на маленьком экране было больше любви, чем в любом длинном письме.

После завтрака я прошла к Римскому амфитеатру. Сделала пару кадров, присела на каменную скамью в тени и на минуту закрыла глаза. В голове крутились фразы — то на арабском, то на английском. Внутри появилось странное ощущение, будто я заблудилась в собственных мыслях, и это немного взволновало меня. По спине вдруг пробежал холодок. Взгляды. Вокруг было слишком много чужих, навязчивых взглядов.

Я снова вспомнила вчерашнюю встречу с мужчиной со шрамом. Его глаза — тяжёлые, как груз веков. Что-то в его облике пугало, но и манило загадкой.

Кто он? И почему он следил за мной? Эти вопросы возвращались снова и снова, вытесняя все остальные мысли.

Во второй половине дня я отправилась в агентство забрать посадочный талон. Хана, приветливая девушка за стойкой, улыбнулась мне как старой знакомой, пожелала счастливого пути и протянула заветный бланк. Я поблагодарила её и пообещала быть на парковке отеля ровно в шесть вечера, без опозданий.

Выйдя на улицу, решила напоследок пройтись по рынку — купить в дорогу воды, орехов и местных сладостей. Восточный базар бурлил: горы фруктов, пёстрые мешки со специями, зазывающие крики торговцев, густой запах сушёных лепестков и варящегося в турках кофе с кардамоном. Я улыбнулась пожилой мусульманке и купила у неё коробочку фиников в шоколаде.

— Благодарю вас, это выглядит очень аппетитно! — произнесла я на арабском.

— Пусть Аллах будет доволен тобой, дочка, — тепло ответила она.

Я ловила любую возможность поговорить на любимом языке. Буквально напрашивалась на диалоги с местными, лишь бы перекинуться парой фраз и лишний раз убедиться, что годы учёбы и переводческой практики в Москве не прошли даром.

Продвигаясь сквозь торговые ряды к выходу, я вдруг затылком почувствовала чужой взгляд. Оглянулась и замерла: посреди толпы стоял он. Мужчина со шрамом. На этот раз он не пытался скрыться, а целенаправленно шёл прямо ко мне.

— Вас ведь зовут Агата? — спросил он тихо, но уверенно.

Я растерянно кивнула, отступая на шаг.

— Я Ибрагим. Не пугайтесь. Мне поручено следить за вашей безопасностью.

— Кто вы такой? — мой голос предательски дрогнул. — Что значит «следить»? Кто вам поручил?

Ибрагим выдержал паузу. Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым, и лишь глубокий шрам на щеке придавал виду суровости.

— Вы пока многого не понимаете, — отрезал он. — Ответы на эти вопросы я дать не могу. Но не беспокойтесь, я рядом. Просто будьте осторожнее и не заводите случайных знакомств. Считайте это предупреждением.

Он развернулся и в мгновение ока скрылся за высоким ковром, вывешенным у соседней лавки. Я осталась стоять посреди рынка с коробкой фиников в руках. Сердце бешено колотилось в груди, а в голове роились сотни вопросов, на которые не было ответов. Накатившая тревога погнала меня прочь с базара, поближе к оживлённым центральным улицам.

Так как время близилось к отъезду, я решила свернуть в знакомый ресторанчик через дорогу — тот самый, на который каждое утро любовалась со своего балкона, и перекусить. Села за столик, механически заказала горячее, мороженое и кофе.

Пока готовился заказ, я отошла в дамскую комнату помыть руки. Когда возвращалась в зал, в дверях столкнулась с компанией — внутрь вошли четверо солидных мужчин в дорогих костюмах.

Мы пересеклись в одной точке. В этот момент один из них негромко кашлянул — нарочно, привлекая внимание. Я вскинула глаза и едва не задохнулась. Это был он. Тот самый незнакомец, который отправил ко мне официанта с презентом. Его тёмные глаза смотрели на меня в упор. Мужчина едва заметно прищурился, и углы его губ тронула мимолётная ухмылка. Взгляд был настолько пронзительным, что у меня задрожали пальцы рук.

Кто он такой? Почему при виде его я почувствовала себя как на сцене и словно неожиданно забыла свою роль?

Вскоре официант принёс заказ и вместе с ним поставил на стол ещё одну тарелку — с десертом, украшенным нежными розовыми лепестками.

— Вам просили передать, — негромко произнёс он и едва заметно кивнул в сторону тех самых мужчин.

Робко повернув голову, я снова встретилась с незнакомцем взглядом. Он смотрел прямо, без тени смущения. Слово бросал вызов, прощупывал мою реакцию. Я вежливо кивнула в знак благодарности и тут же отвернулась. Сердце колотилось как сумасшедшее, к лицу прилил обжигающий жар.

Из-за внезапного волнения напрочь пропал аппетит. Я перекусила совсем немного, быстро рассчиталась и ушла. Тело рвалось прочь из ресторана, но мысли вопреки всякой логике упорно возвращались к нему.

Вернувшись в номер, я быстро собрала вещи, присела на край кровати и проверила документы, деньги и посадочный талон. В ближайшие минуты должен был приехать трансфер.

Чтобы хоть как-то унять внутренний тремор, я достала блокнот и на чистой странице размашисто написала:

«Я покидаю Амман. Но его знойная тайна остаётся со мной. Этот взгляд, презенты через официанта... И один-единственный вопрос: кто он такой?»

Я выключила свет и подошла к окну. Улицы Аммана плавно погружались в лёгкие сумерки. Во мне шумно толкались контрастные чувства: тревожное волнение после встречи с Ибрагимом и манящее предвкушение. Впереди ждала Петра.

ГЛАВА 4. Порог чужой судьбы

Автобус подкатил к парковке отеля. Я стояла, сжимая посадочный талон в одной руке, а другой нервно поддёргивала ручку чемодана. Тот тихий, тёплый вечер не давал даже намёка, что дорога заводит всё глубже — туда, откуда не будет обратного пути.

Спрятав чемодан в багажный отсек и шагнув на первую ступеньку, я остановилась — захотелось обернуться. Но зачем? О чём ты, Агата? Отмахнувшись от глупых мыслей, прошла в салон.

Внутри оказалось вполне комфортно: мягкие кресла, аккуратные занавески на окнах. В воздухе пахло мятной жвачкой и смесью разных духов, которую принесли с собой пассажиры. Людей в автобусе было немного: две молодые пары, несколько пожилых женщин и девушка, слушавшая в наушниках плеер.

Я устроилась у окна, с рюкзаком на коленях. Изнутри продолжало распирать странное возбуждение. Как предчувствие чего-то важного.

Мы наконец тронулись, и Амман начал медленно отступать. Мимо поплыли дома с блекнувшими в сумерках фасадами и зажигающиеся неоновые вывески на вязи. Город только оживал вечерней прохладой: рыночные ряды бурлили, улицы стремительно заполнялись людьми, а на дорогах вспыхивали цепочки автомобильных фар. Мне хотелось удержать этот поток взглядом, запомнить каждый фрагмент, каждый силуэт. Автобус сделал ещё три остановки в черте города, подбирая людей, и вскоре свободные места закончились.

Солнце стремительно ушло за горы. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, я пыталась рассмотреть меняющийся пейзаж. Каменные постройки постепенно уступали место глухим склонам, дорога вела вниз, к пустыне. Мир вокруг становился тише, глубже, загадочнее. И когда за окном воцарилась крошечная тьма, оставалось лишь угадывать встречный транспорт по огням фар да длинным лентам дальнего света.

Примерно на середине пути водитель притормозил у заправки с придорожным магазинчиком. Пассажиры дружно высыпали на улицу размяться. Купив бутылку воды и освежающие конфеты, я стояла у автобуса, очарованная красотой бездонного звёздного неба. Высоко закинув голову, жадно вдыхала чистый, прохладный воздух. Остальные попутчики суетились в темноте: кто-то в стороне пускал колечки дыма, кто-то на ходу дожёвывал хот-дог, а женщины неподалёку сонно цедили кофе из пластиковых стаканчиков. Появившийся из-за угла водитель оживлённо разговаривал по рации. Это послужило сигналом: люди потянулись к дверям, и я последовала за ними.

Вернувшись на своё место, убрала воду в рюкзак, отправила в рот пастилку и поудобнее устроилась в кресле.

В салоне после стоянки стало душно. Когда вернулись последние пассажиры, двери захлопнулись, кондиционер заработал, и мы, плавно тронувшись, продолжили путь. Подремяю... — подумала я. Но не вышло: на соседнее кресло кто-то плюхнулся с громким вздохом облегчения.

— Уф... успела, слава богу. Очередь в туалет на этой заправке — как на расстрел, — донеслось откуда-то сзади.

Я обернулась и увидела девушку лет тридцати. Она сидела позади, по-свойски обхватив спинку моего кресла и заглядывая ко мне. Красивая, эффектная — яркий макияж, длинные чёрные волосы, словно с глянцевого обложки сошла. Но глаза её были усталыми — грустными, как у человека, который видел слишком многое и замолчал.

— Привет! Ты из России? — спросила она.

— Из Москвы. А ты?

— Минск. Хотя уже почти забыла, как он выглядит — шестой год здесь. Меня зовут Настя.

— Агата, — ответила я и улыбнулась.

— Можно я немного посижу с тобой? Не помешаю? — неожиданно спросила она, кивнув на пустое кресло рядом.

— Да, конечно, присаживайся, — немного опешив, ответила я.

Она пересела и начала задавать вопросы:

— Сама приехала? Или с кем-то?

— Сама. Я в отпуске... впервые за границей.

— О, подруга, ты даже не представляешь, куда попала, — Настя грустно улыбнулась, и её взгляд мгновенно стал отрешённым. Несколько минут мы ехали молча. Потом, словно что-то в ней щёлкнуло, она повернулась и заговорила тихо, будто боясь, что кто-то услышит:

— Я сюда тоже одна прилетела. По контракту, на год. Работала в клубе: танцевала белли-данс и ставила танцевальные номера. Я заканчивала хореографическое училище дома, думала, смогу здесь денег заработать и построить карьеру потом. Звучит нелепо, но тогда мне казалось — это реально. Деньги, новые знакомства, тепло, другой мир. А потом всё завертелось не по плану. Быстро. Я и опомниться не успела.

И тут я почувствовала, что она явно хочет выговориться. Не просто поболтать — освободиться от груза наболевшего. Оправдаться? Вызвать сострадание? — мелькнуло у меня в голове.

— Он был такой красивый, — продолжала она. — До безумия. Как из фильмов. И взгляд такой... как будто видит тебя насквозь, до костей.

От её слов у меня внутри что-то дрогнуло. Перед глазами мгновенно вспыхнул тот пронзительный, властный взгляд из ресторана. Такой же тяжелый. Прожигающий до костей. Я невольно сглотнула, слушая Настю еще внимательнее.

— Он приходил часто в клуб, где я работала, — продолжала она, не замечая моей перемены в лице. — Поначалу просто смотрел, оставлял хорошие чаевые. Потом — цветы, украшения, поездки по стране, красивые вещи. Он знал, как завораживать. А я... я была влюблена. Растворилась в нём с головой. Забыла о целях и планах. Нарисовала себе новый мир, новую жизнь. — Через два месяца он сказал, что хочет забрать меня к себе. Что мне не нужно работать. Он ведь очень богат и позаботится обо всём: особняк, бассейн, роскошная жизнь, украшения. Твердил, что я — его женщина. Но я настояла на том, чтобы остаться в клубе, только на другой должности. Чтобы он не беспокоился и не ревновал, я перестала выходить на сцену. А потом всё изменилось. Начались дикие вспышки ярости, нелепые допросы.

— Сначала он заставил меня уволиться, — Настя говорила тихо, но в её голосе звенела сталь. — Затем запретил выходить из дома без разрешения. Потом стал пропадать по несколько дней, бросая короткое: «Я во втором особняке». Начались крики, а следом — побои. Временами он словно съезжал с катушек, издевался. А я уже была беременна.

Она замолчала, и её лицо мгновенно окаменело, превратившись в красивую маску.

— Когда он узнал про ребёнка... Меня скрутили его охранники и отвезли в то самое дальнее поместье на краю пустыни. Прислуге велели запереть меня на третьем этаже и не спускать глаз. Продержали там все девять месяцев. Ни единого звонка семье. Рожала под конвоем, в частной клинике, где даже медсестры шарахались от меня как от тени. Родилась девочка, крошечная, как куколка. Амина. А через три дня нас привезли обратно. Он швырнул мне документы и сказал, что я свободна. Но дочь останется с ним. С тех пор даёт видиться с ней раз в месяц. Понимаешь?.. Всего один раз. При этом строить новые отношения мне нельзя — он не позволит, но и ответственность за меня больше не берёт. Я ни с ним, ни с кем. Если бы не Амина, давно бы улетела домой. А теперь живу тут от встречи до встречи, надеясь, что он когда-нибудь одумается.

Крупные слёзы выплеснулись из её глаз и ручьями потекли по впалым щекам.

— Она у меня уже совсем большая, скоро четыре года, — в голосе Насти сквозь рыдания внезапно пробила отчаянная, болезненная гордость. Она быстро вытерла лицо ладонью. — Прости, что вывалила это на тебя. Я здесь совсем одичала среди чужих людей. Иногда так хочется найти утешение, просто уткнуться в дружеское плечо... Вот и расклеилась.

У меня перехватило дыхание. Воздух в автобусе разом стал тяжелым, душным, будто кто-то перекрыл кислород.

— Настя, мне очень жаль... — я достала из рюкзака платок и бережно вложила в её дрожащие пальцы, слегка погладив по предплечью. — Не сдавайся, слышишь? Будь сильной ради неё. Ищи выходы. Обратись в посольство, в конце концов. Или лети в Беларусь, нанмай сильных адвокатов. Выход точно есть, нельзя опускать руки. Ты справишься, я уверена. Главное — найди рычаги, за которые можно зацепиться.

Оставшуюся часть пути мы проговорили вполголоса. Тяжелая тема постепенно отпустила нас. Настя расспрашивала про Москву, про мои впечатления от Аммана, даже пыталась улыбаться. Но когда я упомянула, что за мной с самого прилёта следят двое мужчин, она резко насторожилась.

— Агата, будь предельно осторожна, — Настя глубоко вздохнула и посмотрела мне в глаза с пугающей серьезностью. — Некоторые люди вокруг далеко не случайны. Они способны играть в очень опасные игры и хладнокровно переписывать чужие судьбы.

Я промолчала, ощущая, как внутри всё сжалось от тревожного отклика. Пыталась отогнать от себя накатывающий страх, но сердце настойчиво подсказывало: насколько этот восточный мир прекрасен, настолько же и опасен.

К моменту, когда мы прибыли в Вади-Мусу, ужин подходил к концу. Но гид и официанты любезно проводили нас к столам и накормили досыта. Сам отель оказался уютным, с каменными стенами и мягким, приглушённым освещением. После поздней трапезы пассажиров расселили по номерам, и я наконец оказалась в желанной тишине.

Зажжённая свеча в тяжёлом подсвечнике едва разгоняла полумрак. Наслаждаясь покоем, я долго таяла в тёплой ванне, делая редкие глотки ароматного чая. Время словно замедлилось. После, накинув белый вафельный халат, я распахнула окно. Ночь стояла беззвучная, словно мир затаил дыхание. Светло-дымчатые облака медленно плыли по глубокому, тёмному небу. Звёзды висели так низко — казалось, до них можно было дотянуться рукой. Из окна тянуло прохладой, пылью и далёким дыханием пустыни.

Я прилегла на кровать и сладко вытянулась в истоме. В голове навязчиво возникал образ таинственного незнакомца из ресторана: его взгляд, его ухмылка. Когда я вспоминала его лицо, внизу живота всё сладко сжималось. Я ведь даже не знала его имени, но что-то во мне уже безоговорочно сдалось этому влечению. Хорошо, что я уехала из Аммана. Всё к лучшему. Спи.

Развернувшись на бок, покрепче прижала к себе подушку. Пора было отдыхать: на рассвете меня ждала Петра — древний каменный город, о котором я так долго мечтала.

ГЛАВА 5. Тропа предчувствий

Мой будильник не успел прозвонить, глаза открылись сами. На часах было без пятнадцати шесть. За окном едва серело. Плотные шторы пропускали утренний свет тонкой полосой. Луч падал на подушку, назойливо разрезая лицо пополам.

Новой ночью выспаться не удалось, она выдалась беспокойной. Приходилось то и дело просыпаться, ворочаться, чутко вслушиваясь в каждый шорох за дверью. Не помогли ни тёплая ванна, ни вечерний чай, ни глухая дорожная усталость. В голове навязчиво крутились Настины слова — о жестокости её мужчины, о страхе и боли, которые ей пришлось пережить. Ловила себя на необъяснимом, пугающем ощущении: будто эта история принадлежала не только ей. Словно она каким-то образом касалась и меня. Будто я стою у той же самой двери, за которой прячется опасная тайна, и моя рука лежит на дверной ручке.

После горячего душа, намотав на голову полотенце, я налила стакан воды и подошла к окну. За стеклом рождалось рассветное утро. Воздух пока оставался прохладным, но всё вокруг предвещало знойный день. Скалы окрасились в густую охру и серо-розовые тени, а плотный туман лениво стекал с вершин, оседая на древние камни. Петра ещё дремала, но в этой тишине чудилось скрытое напряжение. Словно мёртвый город наблюдал за мной из укрытия. Ждал.

Сделав пару глотков, я отправила короткое сообщение маме о том, что путешествие началось и со мной всё в порядке.

Быстро высушив волосы, нанесла лёгкий макияж, надела сарафан цвета выжженной глины и вышла из номера. В кафе уже был накрыт завтрак: тёплые лепёшки, нежный козий сыр, овощи, варёное яйцо и крепкий кофе. Рядом, в плоской стеклянной вазочке, красовалась сладкая халва. Перекусив, я не спеша допивала кофе, наблюдая, как огненный диск солнца медленно поднимается над пустыней.

Гид собрал группу у входа в половине девятого. Нас оказалось немного — всего двенадцать человек. Но Насте среди них не было. Сколько я ни искала её глазами в толпе, всё тщетно. Почему она не пришла? У неё были свои планы? Или она осознанно избегала меня после вчерашнего откровения? Было странно: мы едва знали друг друга, но её надломленный голос до сих пор звучал у меня в ушах.

Наконец группа двинулась к горному каньону. Путь в Петру открывался через Аль-Сик — узкую, извилистую расщелину между отвесными стометровыми скалами. Пространство то сжималось, почти давя на плечи, то расширялось, впуская полоску неба. Розовый песчаник местами казался отполированным до блеска. Тени причудливо играли на изгибах скал, а утренний свет скользил по древней резьбе. Время здесь словно рассыпалось в прах. Невозможно было понять, сколько мы идём — минуту или вечность.

Гид увлечённо рассказывал, что Петру высекли в скалах набатеи — древний кочевой народ, чьи знания инженерии до сих пор поражают умы. Я слушала вполуха, постоянно озираясь по сторонам. Позвоночник сводило от странного, липкого чувства, будто кто-то дёргает меня за невидимые нити. Место было пропитано вековой, хищной энергетикой. Дикая красота этих мест будоражила, заставляя замирать в предвкушении чего-то неизбежного.

линию горизонта.

— Вы всегда задаёте так много вопросов?

— И не получаю ни одного ответа, — пробормотала я, борясь с нахлынувшим волнением.

— Ответы придут к вам в час свершения воли Аллаха.

Я замолчала. Тело напряглось, но это был не парализующий страх, а томительное, острое ожидание того, что случится дальше.

— Кто вы? — тихо, но настойчиво повторила я.

— Это не имеет значения, — Ибрагим выдержал паузу, и его пронзительный взгляд снова вернулся к моему лицу. — Но вы уже знаете моё имя. Я просил вас быть осторожнее в нашу последнюю встречу. Не стоит прогуливаться в одиночестве по пустыне. Это может быть небезопасно.

Я ахнула. Он едва заметно прищурился, и углы его губ тронула мимолётная ухмылка.

— Послушайте, ваше поведение нелепо, — я попыталась вернуть голосу твердость. — Кто дал вам право преследовать меня? Давать советы? Я разве вас об этом просила?

— Хватит! — прервал он неожиданно жёстко. Грубый, властный голос эхом отскочил от скал.

Я испуганно отступила на шаг. Заметив мою реакцию, Ибрагим тут же потупил взгляд, сбивая нахлынувшую суровость.

— Простите. Не хотел вас напугать. Вы красивая, Агата. Живая, настоящая. В ваших глазах слишком много чувств. Это делает вас уязвимой и... притягательной. Теперь я понимаю, почему он вас выбрал. Вы поселились в мыслях моего босса и стали слишком желанны. А господин Халид привык получать то, что хочет. Всегда.

Халид... Кто это? У меня перехватило дыхание.

Ибрагим осторожно коснулся пальцами кончика растрёпанной ветром пряди моих волос, а затем медленно провел по щеке. Его кожа была горячей, немного шершавой. Это едва ощутимое прикосновение словно погрузило меня в гипноз, лишая воли.

— Вы скоро всё поймёте, — тихо произнес он, убирая руку. — С этого момента ваша жизнь начнёт меняться. Вас выбрали.

Он посмотрел мне в глаза — глубоко, пристально, будто ставя невидимое клеймо. После этих слов развернулся и быстро пошёл прочь по тропе, не оставив шанса ни на один вопрос.

В отель я вернулась на грани нервного срыва — крупно трясло. Дорога до номера осталась в памяти смутным пятном. Ватные ноги едва держали. Тяжёлая дверь закрылась за спиной, отсекая знойный шум внешнего мира. Внутри встретила спасительная прохлада и едва уловимый аромат благовоний. В замершем воздухе только легкие шторы в дальнем углу колыхались под дыханием кондиционера. Дрожащими руками я налила стакан воды до самых краёв и выпила его в несколько жадных, судорожных глотков.

Прохладная жидкость обожгла пересохшее горло, но внутренний пожар это не потушило. Чувствовала себя странно — словно опустошённой. Выпитой до дна. В теле всё ещё вибрировали отголоски недавних прикосновений Ибрагима, израненная нервная система отказывалась успокаиваться. Я стояла посреди комнаты, не понимая, как укротить мысли, палящие меня изнутри. Всё сознание заволочло дымкой.

Бессильно упав на кровать, я устала в потолок. Значит, Халид. Всё наконец сошлось. Ибрагим работал на того невероятного мужчину из ресторана. Перед глазами вспыхнул его пронзительный, горячий взгляд. Он ведь смотрел на меня так, будто всё уже было решено. Будто я уже принадлежала ему. И он приставил следить за мной своего человека.

Он очень опасен. Я поймала себя на противоречивом волнительном ощущении. Похоже, влипла в какую-то тёмную нехорошую историю. И куда ведёт эта извилистая дорожка, понять пока не могла.

Собравшись с силами, отправилась в душ. Горячие струи хлестали по плечам, волосам и спине, принося почти физическую боль. Я стояла под водой, пока кожа не покраснела. Зачем ты пошла за ним на эту тропу? Что ты пыталась там найти, Агата? Объясни себе. Я терзала себя вопросами, но ответов не было.

Позже, когда я уже лежала на постели, слушая, как в ванной мерно капает вода, телефон на тумбочке завибрировал. От мамы прилетело короткое сообщение:

«Агаточка, как прошёл день? У тебя всё хорошо? Волнуюсь».

Набрала короткий ответ: «Мам, всё хорошо. Не переживай, я с группой. Часто писать дорого. Целую».

Затем мысли невольно вернулись к делам. Еще перед отпуском мы условились с секретарем: сразу по возвращении я должна позвонить на кафедру, чтобы утвердить новый график лекций. Вдобавок душу тянула неоконченная корректура — сроки поджимали, и в Москве придется мгновенно включаться в работу.

Эти заботы казались посланием из совершенно другого мира — суетливого, чужого. Здесь, среди монументальных скал и низких звезд, прежняя жизнь виделась нереальной и затерянной. Словно я обронила её еще в Шереметьево, прямо на взлетной полосе.

Оставалась всего половина отпуска, но я всё ещё не чувствовала себя отдохнувшей. Напротив — хотелось как можно дольше оставаться в этой знойной тишине. Время казалось до обидного скоротечным.

Нервное истощение после встречи на тропе взяло свое: я сама не заметила, как провалилась в тяжелый, забывчивый сон. Проснулась, когда в комнате начали сгущаться глубокие сумерки. Спустившись в полупустой ресторан на ужин, заказала рассыпчатый рис с нежным каре ягненка, обжаренные овощи и густой, пряный хумус. Ела не торопясь, бережно прислушиваясь к себе. С каждым кусочком внутри будто оживал вкус к жизни, а гнетущая пустота заполнялась ровным, физическим теплом.

После поздней трапезы я вышла в сад. Солнце уже коснулось горизонта, заливая воздух густым закатным багрянцем. Каменные постройки отеля ловили последние лучи, отчего песок под ногами казался невероятно золотистым. В маленьком фонтане у центральной арки шумно плескались птицы, стряхивая с крыльев сверкающие капли. Опершись о перила, я жадно вдыхала тягучий запах жасмина. Именно в этот миг я впервые почувствовала себя настоящей. Без привычных московских масок, без вечной гонки и суеты.

Завтра — Вади-Рам.

Последняя точка экскурсионного маршрута.

А дальше — Акаба. И впереди еще целая неделя этого манящего, полного тайн путешествия.

ГЛАВА 6. Под небом пустыни

Утром следующего дня солнце вновь проникло в комнату, мягко касаясь лица и плеч. Простыни пахли пустыней — солнцем и солью.

Я встала и, сладко потянувшись, выглянула в окно. Дворик ещё дремал: мокрая каменная плитка, зелень в вазонах, тонкие лучи скользили по листве. Сходила в душ, смыла остатки сна, а может — и остатки вчерашней себя. Накинув хлопковый халат, устроилась с чашкой кофе в кресле возле распахнутого окна.

Снизу доносились звуки: официанты сервировали столы к завтраку, птицы щебетали, словно споря друг с другом. У фонтана резвились попугаи — зелёные с синими хвостами. Один зачерпнул клювом воду, встряхнулся и взлетел, обдав каплями проходящего мимо человека. Я рассмеялась — впервые за много дней.

Эти два дня пребывания здесь я повсюду искала глазами Настю. Хотелось расспросить её о подробностях истории и, по возвращении домой, проконсультироваться со знакомым юристом. Возможно, я могла бы ей как-то помочь, дать совет. Но больше наши пути не пересекались.

Плотно позавтракав, я собрала свои вещи, и в полдень всей нашей группой мы отправились в Вади-Рам. Примерно сто километров пути — немного, но пейзаж удивительно менялся с каждой милей.

Мы ехали на юго-восток, оставляя позади горные плато и въезжая в пространство вне времени. По бокам тянулись песчаные равнины, среди которых выросли исполинские скалы — красные, тёплые, будто дышащие. Где-то паслись верблюды. Бедуинские дети махали нам издали. Я не отводила взгляда, не хотела упустить ни мгновения. Делала снимки.

Гид рассказывал о древних маршрутах кочевников, о петроглифах на скалах, о том, как закаты превращаются в огонь, а ночи — в невесомость.

Вскоре мы добрались до кемпинга, расположенного вдали от шумных точек, в тишине, ласкающей слух. Солнце ещё жгло, но ветер стал мягче, а песок — бархатным. Здесь никто не разговаривал громко. Всё происходило шёпотом.

После длительного одидаания заселения меня наконец проводили к месту моего ночлега. Я обомлела. Шатёр стоял особняком. Потолок был частично панорамным. Внутри — тканевые стены, уютная кровать, кофейный столик с креслом, фрукты и графин с водой. Воздух был горячим, но тени от скал сохраняли прохладу.

— Располагайтесь, мадам, — сказал юноша, протягивая ключ. — Наслаждайтесь уединением и небом! Уверен, вы останетесь довольны. А сейчас поторопитесь: всех ждут на ужин в шатре, он начнётся в половине шестого. Уже через пятнадцать минут.

— Пожалуйста, подождите меня. Я пойду с вами — боюсь заблудиться, — попросила я, снимая с плеч рюкзак. — Только оставлю свои вещи.

Я закатила внутрь чемодан и быстро нацепила набедренную сумочку — в которой хранила паспорт, деньги и телефон.

— Мы можем идти, я готова. Как раз очень проголодалась! — сказала и, довольная, выпорхнула за порог шатра.

Парень улыбнулся. Мы свернули за угол невысокого песчаника и через пару минут бодрой ходьбы были на месте. Я не переставала восхищаться видами, что открывались передо мной. Какая же здесь красота.

Ужин проходил в большом шатре, натянутом между деревянными опорами и украшенном пёстрыми тканями. Внутри царил прохлада, пол был устлан коврами, а стены сделаны из толстого серо-белого войлока. Горящие лампы в нишах, чайники, греющиеся над живым огнём, и множество подушек повсюду.

Народ постепенно подтягивался на манящие запахи специй и мяса на костре. В воздухе улавливались нотки восточного бахура и свежего хлеба. Меню поражало разнообразием: мансаф, плов с долмой, обжаренные баклажаны с тахини и чесноком, тушёная рыба, лепёшки с начинкой из сыра и зелени, салат с помидорами, луком и мятой, сладкий чай с кардамоном и шалфеем — густой, терпкий, горячий до боли в зубах.

Пока мы ужинали, у огня разливались голоса. Один из бедуинов — высокий, с седыми висками — завёл сказания на арабском.

Переводчик для тех, кто не владел языком, шептал о влюблённой женщине, ждавшей мужа, ушедшего с караваном через пустыню; о колодце, в котором вода появляется только на рассвете; о звёздах, по которым читают судьбу.

Позже к нам вышли молодые парни с национальными барабанами. Зазвучали ритмы — глухие, животные, качающие. Один пел, голос его поднимался вверх, словно взлетающий в вихре песок. Остальные хлопали в ладоши, поддерживая. Мы наблюдали заворожённо.

Некоторые туристы начали пританцовывать, кто-то снимал происходящее на видеокамеру, а я просто сидела, поджав ноги, и смотрела на пламя, на их лица, на этот танец, словно выросший из самой земли.

В какой-то момент один из бедуинов подошёл ко мне с чашкой чая и тихо сказал:

— Здесь, в пустыне, всё лишнее отсекается. Остаётся только настоящее.

И я кивнула. Он был прав. Люди вокруг выглядели счастливыми: сытыми вкусной едой и довольными невероятным зрелищем. Мы наблюдали закат — как кино, которое идёт один раз в жизни. Позже на углях начали жарить новую партию мяса, рыбы и овощей, но я уже была сыта более чем. На протяжении вечера по телу то и дело пробегали мурашки при мысли о предстоящей, самой необычной ночи в моей жизни. Когда совсем стемнело, я захотела пойти исследовать свой укромный, сказочный уголок.

Поблагодарив за гостеприимство и вкусный ужин управляющего Мустафу, я попрощалась со всеми и, пожелав доброй ночи, ушла.

Вернувшись в палатку, остановилась у входа и медленно осмотрелась при мягком свете лампы. Повсюду лежали пёстрые подушки с тонкой вышивкой и нежными узорами — словно переплетённые нитями древних историй. На ковриках с замысловатыми орнаментами я заметила небольшие статуэтки из светлого дерева, а в углу благоухали срезанные растения, придавая помещению уют и лёгкий аромат свежести. Всё это создавало ощущение тайны, приглашая раствориться в покое.

Сняв платье, я омыла тело над подвесным умывальником, смывая следы накопившейся усталости. Надела сорочку для сна и, удовлетворённая прекрасным завершением дня, плюхнулась на мягкую постель. Я смотрела на небо сквозь прозрачный потолок. Там мерцали бесчисленные звёзды — такие близкие, что казалось, они готовы были рассказать мне свои самые сокровенные тайны. Я не спала — лежала, зачарованная невероятностью этого места. Вдыхала запахи... Мечтала... О чём именно? Я не знала... Лишь испытывала лёгкое сожаление оттого, что мне не с кем было разделить этот прекрасный момент.

ГЛАВА 7. Между желанием и страхом

Я уже засыпала, как вдруг услышала шаги у двери и мужские голоса. Затем — щелчок дверной ручки. Я мгновенно открыла глаза.

Тьма была кромешная, лишь лёгкий, едва уловимый отблеск луны падал сквозь прозрачный потолок. Но я отчётливо слышала, как замок отомкнули. Силуэт — высокий, крепкий — медленно вошёл внутрь и запер дверь на защёлку. Он двигался бесшумно, но решительно. Мужчина. Но кто? И зачем он здесь?

Сердце бешено заколотилось, пульс ударил в шею и уши. Всё тело напряглось.

— Кто здесь?! — вырвалось у меня. — Уходите! Это не ваш шатёр! Вы ошиблись! — вскрикнула я на английском.

Тень не ответила. И это молчание оказалось страшнее любых слов. Чужак замер. Его присутствие стало более угрожающим. Я выкрикнула ещё раз, но уже на арабском:

— Уходите сейчас же!

Фигура начала приближаться.

— Уходите! Я буду кричать!

— Тшш... Тихо, тихо. Не советую этого делать. Это будет грубой ошибкой, Агата. Ты о ней обязательно пожалеешь, — прошипел голос низко, с хрипотцой.

По коже пробежал холодок. Моё имя. Он знает моё имя. Но я не узнаю этот голос. Кто это?!

— Это ты?.. — неуверенно произнесла я.

— Кто? — прозвучало в ответ глухо, почти с усмешкой.

— Ибрагим?.. — шёпотом спросила я.

Ответа не последовало. Он подошёл вплотную к кровати.

— Я закричу! Не подходи! — крикнула я, срываясь на надрыв.

В тот же миг он навалился на меня всей тяжестью своего тела. Я не успела даже опомниться. Внутри искрой вспыхнула паника. Меня всю точно парализовало, лишая возможности сопротивляться.

— Халид. Меня зовут Халид. Ибрагим лишь тебя вёл.

Всё встало на свои места. Халид... Это он, тот самый мужчина из ресторана.

Я не видела лица, но ощущала силу, вес, жар. Его губы были повсюду: на лбу, висках, глазах и шее. Он скрутил меня, вжимая в кровать, будто вырывая право на моё тело. Я извивалась, пыталась вырваться, дыхание перехватывало. Я не могла произнести ни звука, только судорожно хватала воздух, как после десятикилометрового бега.

Почему не кричу? Почему позволяю? Почему не дерусь до конца? — вопросы наперебой обжигали моё сознание.

Он действовал как дикое животное. Жёстко, яростно. Одним рывком сорвал моё бельё, другим — бретельку сорочки с плеча. Не считался, не спрашивал. Просто брал меня всю. Целиком. И с каждой секундой я всё меньше сопротивлялась — как будто тело знало его лучше, чем я сама.

Господи... я должна его прогнать. Должна. Но почему от его грубых движений пронзает не только страх, но и странное, мучительное желание?

Он прижал меня к себе: одной рукой сдавил шею, второй — ухватился за талию. Губы будто пожирали мои, он стонал, рычал, произносил неразборчивые слова, как молитву страсти, которую повторял снова и снова. Руки гуляли по мне с одержимостью — он словно пытался выучить наизусть каждый изгиб. Я теряла контроль. И чем сильнее он меня удерживал, тем глубже я ощущала, что уже не хочу бежать.

Он был не просто мужчиной — был стихией, ураганом, который разрывал меня на части и снова собирал из них что-то новое, чувственное, бьющееся с ним в унисон. Входил глубоко и резко, потом — нежно и томительно медленно сводил меня с ума. То заламывал руки за спину, то с силой прижимал запястья к спинке кровати. Целовал пальцы, лоб, подбородок, грудь, живот, бёдра. Я недоумевала, что можно испытывать такое количество ощущений. Мне казалось, я горю изнутри.

Сердце колотилось так, будто уже принадлежало ему. Но разум кричал: Агата, стой! Это насилие! — и я разрывалась между двумя голосами, не в силах разобрать, какой из них настоящий.

Он то ласкал меня шёпотом, то замирал, вглядываясь в глаза — будто искал разрешение, чтобы сойти с ума. И когда я выдерживала его взгляд, он со стоном вцеплялся в мои губы, задыхаясь от желания. Шептал: «Моя. Моё сердце. Моя женщина. Моё небо».

Ночь текла сквозь нас медленно, без времени. Мы занимались любовью до изнеможения — раз за разом, он оставлял во мне след каждого движения, каждого стога. Он всё время что-то говорил. То жёстко, почти повелительно, то вновь шептал — нежно, с лаской, от которой я всё больше теряла себя. Руки были везде: на ягодицах, в волосах, жадно ласкали грудь. Я ощущала, как дрожит его тело, как дрожу я. В один из моментов он держал меня словно ребёнка, прижав к себе, и я слышала бешеный стук его сердца, словно сорвавшегося с цепи.

Но никак не понимала одного: как смогла допустить такое безумие, в какой момент сдаюсь во власть незнакомца, позволив ему делать это со мной? Время перестало существовать — грани дозволенного треснули, оставив лишь одно жгучее знание: тело не подчинялось мне больше. Оно полностью принадлежало ему.

Когда звёзды над нами уступили место первым зыбким лучам, он замер, задыхаясь, и, не отрываясь от меня, прошептал:

— Запомни, я Халид — и отныне я твой Халид.

Смотрел прямо в глаза, дыхание обжигало кожу.

— Я полюбил тебя с первого взгляда. С того момента, когда увидел сидящей на балконе с чашкой кофе в руках. А я всегда беру то, что считаю своим. Поэтому сейчас я здесь, и ты в моих объятиях.

Он медленно провёл пальцем по моим губам.

— На какое число твой билет домой?

Я с трудом сглотнула, голос отказался повиноваться.

— Зачем тебе?.. — только и смогла прошептать я.

— Мне нужно знать, когда твой отпуск закончится, — усмехнулся он. — Не хочу его прерывать.

В горле пересохло. Ответ застрял внутри. Халид склонился, прижавшись своим лбом к моему, и, гипнотически глядя в упор, прошептал:

— Я не стану торопить. Отдыхай. Приду за тобой в последний день.

После этих слов он встал. Молча оделся, не сводя с меня глаз, — и ушёл в рассвет.

Я осталась наедине с собой. Лежала в тишине, не в силах пошевелиться, ощущая чужой запах на своей коже. Тёплый. Тяжёлый. Восточный. Влажные простыни всё ещё помнили его силу.

Моё тело горело и жаждало его снова. Моё сердце тянулось к нему, как к своему хозяину. Я влюбилась в него без остатка — и возненавидела за то, как он со мной поступил. И это было страшнее всего.

И всё же под этой страстью пролегла трещина. Я чувствовала, как она расползается во мне тревогой. Он взял меня как свою добычу, а я отдалась ему, словно это было неизбежно. Я гадала, с чем столкнулась: было ли это началом любви или началом моей собственной гибели?

И кое-что поняла: нет больше прежней Агаты. Осталась только та, что проснулась рядом с ним — с желанием и с болью, с новым сердцем и с новой раной в нём.

ГЛАВА 8. Вино и пепел

Шатёр опустел. Он ушёл — будто растворился в рассветных сумерках. А я осталась одна: оглушённая и сбитая с толку. Долго лежала, наблюдая сквозь купол за тем, как небо медленно наливается первым светом. Тело отказывалось слушаться, не позволяя мне ни пошевелиться, ни вдохнуть полной грудью.

В какой-то момент сознание просто погасло, и я незаметно провалилась в сон. Но уже через пару часов резко очнулась: солнце беспощадно палило прямо в лицо. В шатре стало невыносимо душно, кожа липла к простыням. Вместе с этим удушливым жаром обрушилась и память о прошлой ночи, о прикосновениях чужого мужчины. Я до боли зажмурилась, пытаюсь скрыться от этих непрошенных воспоминаний и бьющего в глаза золота.

Мне казалось, что я совершила что-то неправильное. Какой-то глупый, карательный поступок против самой себя. Я отдалась ему без защиты, без разума — и теперь во мне борются два чувства. С одной стороны, всё ещё ощущались отголоски удовольствия, тепло, пронзающее тело. А с другой — мерзкое, гадкое чувство стыда. Я не могла понять: наслаждаться воспоминаниями или ненавидеть себя за то, что позволила всему этому случиться?

Лёжа в простынях, я прижимала их к груди, как будто пыталась закрыться ими от чувства вины. Была ли я наивной? Или слишком живой? Я ощущала, что безвозвратно теряю важную грань — между доверием и безрассудством, открытостью и безопасностью.

Вскоре всех позвали на сборы — нужно было ехать дальше. Акаба ждала. Я собрала вещи по инерции: быстро скидала всё в чемодан, почти не глядя. Перед отъездом нам раздали кофе, прохладительные напитки и ланч-боксы с сэндвичами — с тунцом, томатами и салатным листом.

Пустыня постепенно уступала место побережью. Менялись не только пейзажи, менялся и воздух: сквозь гул старого кондиционера в салон всё отчётливее проникал запах соли, а за окном дрожало раскалённое море. Я любовалась местными красотами, ведь эта поездка была такой долгожданной, но в полной мере насладиться так и не удалось, поскольку в голову раз за разом проникали ненужные мысли. О нём. О себе. О том, что теперь будет. Вспоминалось: как он смотрел, как целовал, как молчал. И что означало его обещание: «В последний день я заберу тебя»? Или это были просто пустые громкие слова?

К полудню мы прибыли в Акабу. Город встретил обжигающей жарой и удивительной морской свежестью. Здесь всё было иным: тяжёлый влажный воздух, суетливый ритм и само небо. Гостиница оказалась комплексом белоснежных зданий, раскинувшихся вдоль побережья среди пальмовых аллей.

В номере стояла блаженная прохлада от работающего кондиционера и тонкий, дорогой аромат чистоты. После пыльной пустыни это казалось настоящим раем. На столике ждал приветственный комплимент — тарелка с сочными фруктами и запотевшая бутылка воды. Я замерла, оглядывая этот безупречный уют: всё происходящее казалось сном. Оставив вещи, тут же поспешила в ресторан на обед — к счастью, моё проживание включало полное питание.

Я взяла курицу с рисом, салат, лепёшки и гранатовый сок. Аппетита не было совсем. Жевала медленно, через силу, с трудом проглатывая каждый кусок. Борясь со сном, наблюдала за обедающими туристами и официантами, чинно разносящими блюда. Жизнь вокруг кипела, а я будто сидела в стороне, чувствуя себя чужой на этом празднике сытости.

Вернувшись в номер, я буквально рухнула на кровать. Отключила телефон. Хотелось исчезнуть, раствориться в тишине. И я уснула, провалившись в короткое забвение.

Проснувшись около шести вечера, я сразу вышла на балкон. Догорающий закат принёс свежее дыхание ветра. Акаба жила своей жизнью — неспешной, яркой, шумной. Я поняла: мне

срочно нужно выйти. К людям. Захотелось увидеть город, поужинать где-нибудь за стенами отеля, пройтись по вечерней набережной, вдохнуть морской воздух.

Быстро приняв душ, я переделалась в белое платье. Собрала волосы в пучок и, нанеся на губы каплю блеска, посмотрела в зеркало. Этим вечером мне предстояло реабилитироваться в собственных глазах. Вернуть контроль над телом и мыслями.

Акаба оглушила. Улицы в гирляндах, дикая смесь арабских мотивов, французского шансона и джаза. Всю набережную окутывал фантастический запах специй и рыбы. Толпы счастливых людей. Пары, прогуливающиеся держась за руки. Дети, пускающие мыльные пузыри, — они вспыхивали радужными бликами в свете фонарей. Я шла неспешно, разглядывая лица. Весь этот живой шум постепенно растворял ненужные мысли в моей голове. На душе становилось спокойнее. Море дышало рядом — тёмное, незримое, живое.

Зайдя в понравившийся ресторан с верандой, выбрала столик у перил. Заказала крупную рыбу на гриле, салат табуле и бокал белого вина. Потом — ещё один. Я сидела, прислушиваясь к голосам вокруг. Туристы из Германии, пара из Италии, рядом — семья местных, улыбающиеся дети. Смешение языков, запахов, культур. Всё это напоминало, как огромен и прекрасен мир.

Я пила вино, и с каждым глотком внутри будто отпускало. Вспоминала Халида: его голос, дыхание. Неужели это был просто эпизод? Неужели мы больше не встретимся? Или он действительно... найдёт меня? Ответа не было. Да и откуда мне было его знать.

Возвращаясь в отель, я зашла в маркет — купила бутылку белого вина и пачку сигарет. Я не курила четыре года. Но тогда захотелось. Просто как продолжение этого свободного, чудесного вечера.

Переодевшись в майку и шорты, вышла на балкон. За окном горели огни Акабы, блестело море, доносились голоса. Я открыла вино и закурила.

На удивление дым не душил. Он обволакивал, словно давал право на тишину. На паузу. На размышление.

Я написала маме: «Мам, прости, что не выходила на связь. Мы были в дороге, много переездов. Всё нормально. Целую».

Зое: «За плечами: Амман, Петра, Вади-Рам, прибыла в Акабу. Фото делаю. Всё ок».

Я сделала ещё глоток и прижала колени к груди. Было удивительно хорошо. Свобода. Тепло. Вино. Я и море. Только мы. Семь дней. Я почувствовала, как от этого осознания по телу пробежали радостные мурашки. Наслаждалась моментом, вслушивалась в шум прибоя, в запах соли и жизни.

Ну их, этих мужиков! Что было — то было. Что будет — посмотрим.

И в ту ночь впервые за долгое время я спала как убитая. Немного вина и позитивные мысли излечили мнительную часть меня.

ГЛАВА 9. Предатель

Утром я проснулась неожиданно бодрой, как будто все тревоги и усталость остались где-то в Вади-Рам — в той песчаной пустыне, которую я вчера покидала в разбитом состоянии. Поднявшись с кровати, накинула халат и первым делом распахнула шторы: солнце ударило в лицо ярким светом. Выглянув в окно, вдохнула полной грудью вкусный воздух. Он был насыщен морем, светом и радостным щебетом попугаев. Снизу доносился звонкий девичий смех.

Приготовив кофе, я вышла на балкон. Устроившись в плетёном кресле, обхватила ладонями чашку и любовалась морем. Оно искрилось на солнце, как жидкое стекло. Я сидела и впитывала вибрации этого дня, ощущая, насколько для меня это ценно и важно. Вроде ничего не происходило, а внутри было так спокойно. Позже, накинув льняные бермуды с тонкой бамбуковой футболкой, сходила на завтрак.

Вернувшись в номер, я переоделась в купальник, подхватила панамку с пляжной сумкой и наконец спустилась к морю. Отель располагался на первой линии, пляж ухоженный, с мягким заходом: новенькие белые шезлонги, аккуратные клумбы, пальмы, покачивающиеся от утреннего ветра. Вода — кристально чистая; видно было, как у самой кромки пляшут мелкие рыбки.

Я зашла в море и будто растворилась. Купалась, как в детстве, — с брызгами: ныряла, плавала, смеялась. Долго не вылезала, пока кожа не сморщилась от воды. Потом устроилась на лежаке, заказала себе свежавыжатый апельсиновый сок и тарелку фруктов. Щёлкала виноградки, смотрела на море. Периодически ловила различные взгляды со стороны: кто-то смотрел с интересом, кто-то — с лёгким недовольством. Но мне было всё равно. Я была наедине с собой, в приватном внутреннем пространстве. А в нём царили спокойствие и гармония.

После полудня, почувствовав голод, я отправилась на обед. Ресторан на первом этаже встречал огромными окнами с видом на море и сад. Внутри стояла спасительная прохлада: мягкие бежевые и нежно-зелёные тона интерьера мгновенно успокаивали после знойной жары. Повсюду за столиками обедали туристы, а официанты в белоснежных рубашках бесшумно скользили между рядов.

Я взяла салат с рукколой и гранатом, нежное филе рыбы в сливочно-лимонном соусе с золотистым рисом и бокал холодного белого вина. А на десерт — кусочек горячей кнафе с тягучим сыром и фисташками. Всё было безупречно: яркие краски на тарелке, свежесть ингредиентов и та самая едва уловимая пикантность специй, которую я уже успела полюбить.

По залу ресторана разливалась спокойная фоновая музыка — звуки флейты и гитары, наполнявшие пространство умиротворением. Люди за соседними столами улыбались, придавая атмосфере абсолютный, расслабленный покой.

Я ела не спеша, погружаясь в эту идиллию, в которой всё было на своих местах: солнечный свет, аромат еды и ощущение покоя внутри.

После плотного обеда я поспешила к бассейну с охлаждаемой водой — в жару это было именно то, что нужно. А позже вновь вернулась к морю. Этот день я будто впитывала кожей, вдыхала каждой клеткой. Мне хотелось испить его до последней капли. Я оставалась на пляже до самого заката, пока солнце окончательно не скрылось за горизонтом.

Вернувшись в номер, почувствовала лёгкую усталость. Выключив кондиционер, сбросила с себя купальник и упала на постель. Обняла подушку и растеклась в блаженстве. Вскоре мой взгляд скользнул на часы — пора собираться. Мне вновь захотелось поужинать за пределами отеля и прогуляться по набережной Акабы.

Душ. Крем. Макияж. Несколько капель парфюма на запястья и волосы. Изумрудное шёлковое платье с открытой спиной на бретелях. Лодочки на маленькой шпильке, клатч, браслет — всё сложилось в идеальный букет. Посмотрев в зеркало, я узнала ту прежнюю Агату. До кризиса в браке. До всего. Мне снова нравилось моё отражение.

Набережная жила своим привычным, шумным ритмом. Я гуляла, наслаждаясь вечером, вдыхала впечатляющие меня запахи. Когда я присматривала себе место для ужина, мой взгляд зацепился за мужчину у входа в один из ресторанов.

Он стоял в классическом чёрном костюме: строгая выправка и до боли знакомое лицо. Шагнув чуть ближе и присмотревшись, я не поверила своим глазам. Это был Ибрагим — тот самый человек со шрамом, верный пёс Халида. Я сразу узнала его. Он смотрел на меня в упор сосредоточенным взглядом, не выдавая ни единой эмоции.

Внутри всё вмиг оборвалось. Если он здесь, то и Халид, вероятно, тоже. Ноги сами понесли меня к входу. Я не думала — просто шла, хотя сердце оглушительно стучало где-то в висках. Прошла мимо Ибрагима с каменным лицом, словно не узнала его.

Ресторан оказался роскошным: золотой свет, зеркала, тяжёлый бархат. Я заняла столик и заказала стейк из говядины с бокалом красного вина. Немного алкоголя, чтобы хоть немного притушить панику. Тревожно сканируя зал, я наконец увидела — его.

Халид сидел в VIP-зоне. Рядом — женщина лет на десять старше меня, эффектная, с волнистыми светлыми волосами и в платье цвета шампанского. На шее сверкало роскошное кольцо, а на столе перед ней красовался огромный букет белых роз. Я заметила, что Халид проявлял к ней откровенное, подчёркнутое внимание: то приобнимал за плечи, то целовал руку, то нежно поправлял локон за ушком. Он смотрел на неё так, как недавно смотрел на меня.

Голова загудела. Земля под ногами качнулась. Я наблюдала за тем, как он касается этой женщины, как они вместе смеются. Это была не деловая встреча. Это был откровенный флирт.

Я оцепенела. Всё внутри сжалось. От боли хотелось закричать. Незамедлительно встать и уйти. В этот момент Халид повернул голову. Наши взгляды встретились. Он посмотрел немного удивлённо, но спокойно — даже холодно, как будто я была просто случайным посетителем. На секунду я прочла в его глазах укор, как нескрываемое презрение. Потом он снова повернулся к своей спутнице и одарил её тёплой улыбкой. Я едва не задохнулась.

Но всё же, взяв эмоции под контроль, я приняла решение остаться. С чувством собственного достоинства доела этот злосчастный стейк и, допив бокал вина, готовилась попросить счёт. А дальше меня настигло удивление: в этот момент официант сам подошёл к столу с подносом в руках. Принёс фужер красного вина, тарелку с фруктами и одну-единственную большую розу.

— От господина из этого зала, — произнёс он вежливо, протягивая цветок.

И это стало последней каплей! Я резко оттолкнула его руку — роза упала на пол. А фужер, соскользнув с подноса, с грохотом разбился о край стола, разлетевшись на десятки осколков. Белоснежную скатерть мгновенно залило вином, густым и красным, как кровь.

Я зажала лицо ладонями. Посетители обернулись. Халид тоже. Его лицо окаменело, скулы остро проступили. Спутница бросила на меня высокомерный взгляд. Халид шепнул ей что-то, приобнял и коротко бросил в телефон пару слов. Тут же в зал зашёл Ибрагим. Он забрал букет, и они втроём направились к выходу. Проходя мимо, женщина окинула меня брезгливым сочувствием, а Халид посмотрел почти с жалостью.

Я опустила глаза, чувствуя, как исчезаю. Попросила счёт и, расплатившись, стремительно покинула ресторан.

Я брела по набережной, то и дело спотыкаясь, стараясь сдерживать слёзы, которыми были переполнены мои глаза. Уже у самого отеля, в какой-то мелкой лавке, машинально купила пакет сока и бутылку минеральной воды.

Перешагнув порог, я напрямиком отправилась в душ. О, как там меня прорвало: я плакала в голос от обиды, била кулаками по плитке, проклинала его, себя, эту порочную связь и совершенно ненужные мне чувства.

Когда ледяная вода немного сбила градус душевного пожара, я вышла из ванной комнаты.

На балконе закурила. В мои планы не входило возвращаться к этой вредной привычке, но сигареты, купленные накануне, оказались как нельзя кстати. Жадно затягиваясь и допивая вчерашнее вино, я писала подруге:

«Мне так многое нужно тебе рассказать, Зоя. Но не сейчас. Потом... дома. Сейчас просто хочу сказать — мне жаль, что тебя нет рядом. Я снова создаю себе проблемы. Но справлюсь. Я должна когда-то поумнеть».

Она тут же ответила:

«Эй, подруга, я не знаю, что у тебя стряслось. Но не пугай меня! Давай там поосторожнее. Ты обещала. Я всегда рядом. Скоро домой — наслаждайся отдыхом, потом будешь жалеть, что тратила время на глупости».

Я плакала как ребёнок.

Маме тоже написала:

«День прошёл прекрасно. Пляж, рыбы, солнце. Всё удивительно».

Я не лгала, но и не говорила всей правды.

Ночь была тёмной, непроглядной — в точь-в-точь как мои ощущения на душе. Я была пьяна, разбита, оскорблена. Хотелось забыть Халида, вырвать из памяти, стереть. Хотела не видеть его больше никогда, но подозревала, что не всё так просто, он ещё проявит себя.

Этим вечером я поняла главное: эта встреча, этот стремительный порочный роман напрочь отсекали остатки чувств, которые теплились у меня к бывшему мужу. Прошлой боли больше не существовало — её выжгла новая.

Вино. Сигареты. Слезы. Я и море. Да будь что будет. Хотя бы эта неделя — моя. Пусть и с разбитым сердцем, — шептала я себе, засыпая под утро.

ГЛАВА 10. После шторма

Проснулась я ближе к полудню от сильнейшей головной боли. И сразу кольнула досада: полдня драгоценного отпуска были потеряны. Губы пересохли, словно внутри меня прошлись пыльной метлой. События прошлого вечера и бессонная ночь выпили из меня всю энергию.

Анальгин и душ постепенно вернули меня к жизни, а лед прогнал с лица ночные отеки. Я высушила волосы, едва коснулась тушью ресниц — и в зеркале наконец проступил знакомый образ. Приготовив кофе, чтобы окончательно взбодриться, я вышла на балкон.

Устроившись в кресле, поджала ноги, и обняла кружку ладонями. Море впереди сияло, как раскаленная фольга, но меня не трогали никакие виды. Я просто пила свой кофе и молчала. Внутри меня тоже была тишина. Но она не была покоем. Это было опустошение.

Обед в отеле уже близился к концу — это заставило меня наконец подняться и выйти из номера. В ресторане я взяла салат с фетой и гранатом, куриный кебаб с рисом и стакан холодного сока. Пока ела, отстраненно наблюдала за тем, как отдыхают другие: за обрывками разговоров, детским смехом и суетой официантов. Жизнь вокруг пульсировала и текла куда-то мимо. Я же оставалась по ту сторону. Будто под толстым, непроницаемым стеклом.

После обеда я почувствовала себя значительно лучше. Вернувшись в номер, быстро собралась на пляж, прихватив с собой только полотенце, книгу и крем для загара. На побережье было людно: молодежь шумно играла в волейбол, дети плескались в море, а старики дремали в тени пальм после плотного обеда. Отыскав свободный шезлонг, я расположилась на нем. И закрыла глаза.

Сначала я просто слушала окружающие звуки: плеск воды, глухие удары мяча, обрывки чужого смеха. Но воспоминания и мысли начали неизбежно возвращаться. Всё, что случилось накануне, всплывало перед глазами с пугающей чёткостью. Лицо Халида. Его рука на чужом плече. Та женщина с роскошным украшением на шее. Белые розы... И его взгляд — холодный, отстранённый, как будто меня вовсе не существовало в его жизни.

Внутри всё переворачивалось. Я чувствовала себя оскорблённой, униженной. Хотелось рыдать и одновременно — вlepить ему пощёчину. Выплеснуть всё, до последнего слова. Кричать, злиться, швырнуть в него что-нибудь тяжёлое... А после — упасть в его объятия. Вцепиться и не отпускать. Пусть объяснит. Пусть скажет, что я всё поняла неверно. Что он мой Халид. Только мой. Хотя бы на то время, пока я здесь, в Иордании.

Моя ревность разъедала меня изнутри. Она была липкой, ядовитой, как горячая смола. Я ненавидела его — и жаждала одновременно. Хотела бежать — и остаться. Хотела забыть — и чтобы он напомнил о себе. Всё смешалось. Я лежала на пляже и думала, думала, думала. Иногда заходила в воду — охладиться, чтобы не сойти с ума. Потом снова на шезлонг. Сок. Книга. Пальмы. Солнце. Мысли.

Вечером я снова проводила солнце за горизонт, словно ритуал. Оно падало в море, и я прощалась со своей болью. Или пыталась. Собрав вещи, я вернулась в номер. Душ, немного крема. Нанесла легкий макияж, чтобы хотя бы внешне напоминать себя прежнюю.

На ужин я отправилась в основной ресторан отеля. Вечер обещал быть насыщенным. На сцене уже начиналось шоу: звучала живая арабская музыка, мужчины в ярких костюмах били в таблы, танцевали с саблями, профессиональные танцовщицы кружились в пышных юбках, поднимая их в вихре танца. Это было красиво, даже завораживающе.

Я взяла бокал вина, тарелку с овощами-гриль и рыбу, запечённую с сыром. Устроилась у окна. Рядом за столами сидели люди со всего мира — пары, компании, семьи с детьми. Кто-то аплодировал артистам на сцене.

Из этого гула возник мужчина. Француз лет сорока, опрятный, с короткой бородкой и цепким взглядом голубых глаз. Подсел, вежливо улыбувшись.

— Bonsoir, madame. Вы здесь одна? Меня зовут Пьер.

— Да. Агата, — кивнула я.

— Мне очень приятно познакомиться, Агата. Знаете, я тоже здесь один. Может, после ужина погуляем по набережной? Или выберемся за пределы отеля? У меня есть пара идей.

Я улыбнулась сухо:

— Это очень мило, Пьер, но я предпочту побыть одна. Благодарю за предложение, но мне не хочется никаких прогулок.

Он понимающе наклонил голову и так же легко удалился, растворившись в шуме ресторана. Я осталась сидеть у окна, глядя на свой бокал. Внутри не шевельнулось ровным счётом ничего. Вообще ничего.

Когда концерт закончился, мне не хотелось сразу возвращаться в номер. Душа просила тишины и прохлады. На территории отеля, неподалёку от ресторана, я нашла уютную веранду — кальянную. Там горели мягкие лампы, а на полу лежали пёстрые ковры, расшитые пледы и прочий текстиль. Я устроилась в самом углу, заказала кальян с ароматом мяты и лайма и опустила в мягкие подушки, как в чьи-то добрые руки.

Смотрела на звёзды, выпускала тонкие кольца дыма и думала о том, как быстро всё меняется. Мне захотелось запечатлеть это мгновение в этом колоритном месте. Я достала фотоаппарат и сделала несколько снимков: и тлеющие угольки кальяна, и, конечно же, бездонное ночное небо.

Позже я немного побродила по аллеям, а затем спустилась к пляжу. Там, под навесами, устроили поздний ужин. На углях жарили морепродукты; в воздухе стоял густой аромат лимона, чеснока и перца. Я была сыта, но запах оказался слишком соблазнительным. Не удержавшись, набрала немного креветок и щупалец кальмара в пряном соусе, добавила лимон, зелень и с этой тарелкой в руках отправилась к себе.

Вернувшись в номер, я взяла тарелку с морепродуктами, стакан сока и вышла на балкон. Там царил тотальная тишина, лишь доносившийся шум моря нежно ласкал слух. Ночь была непроглядно тёмной — облака густо окутали луну. Я ела креветки, жадно запивая их прохладным соком. Эти вкусные мгновения абсолютного покоя стали лучшим завершением вечера.

Позже, приняв душ, я готовилась ко сну и случайно обнаружила у двери белый конверт. Он лежал прямо на полу, аккуратный, с логотипом отеля. Внутри — карточка:

«Уважаемая госпожа Агата! В качестве комплимента от нашего отеля приглашаем Вас на вечернюю прогулку с ужином на яхте. Экскурсия состоится завтра в 18:30. Если Вы желаете присоединиться, пожалуйста, подтвердите участие на ресепшене до 11:00».

Я села на кровать и задумчиво покрутила листок в руках. Это приглашение не вызвало во мне особого трепета — скорее, просто спокойное любопытство. Почему бы и нет, наверняка будет увлекательно... Поеду, — подумала.

Погасив свет, я с наслаждением заскользнула в постель. Белоснежное бельё изумительно пахло свежестью. Я улеглась поудобнее, чувствуя, как тело наконец расслабляется на накрахмаленных простынях. Закрыла глаза.

— Пусть скорее наступит завтра. А этот тяжёлый день останется за чертой, — тихо пробормотала я.

Хотя... мысли о Халиде по-прежнему бередили мою душу... И он — всё ещё был где-то рядом. Но я не знала, где. И не могла разобрать, хотелось ли вообще теперь знать.

ГЛАВА 11. Без права забыть

Я проснулась по будильнику. Внутри царило странное, почти ледяное спокойствие — казалось, я просто выгорела от этих вечных эмоциональных качелей. Устала бояться, сожалеть, надеяться. До тошноты устала от самой себя. Какое-то время я просто лежала, глядя в потолок. Размышляла.

Нет, я не тряпка. Что было, то было. Я прощаю себя, отпускаю весь этот яд и просто стираю его из памяти. Начинаю с чистого листа. В конце концов, я приехала сюда, чтобы выстоять, а не для того, чтобы сдать последние позиции и остатки воли, — вынесла я себе вердикт.

Это решение было хрупким, как тонкое стекло, но оно держало меня.

Завтрак я провела за столиком у окна: пальмы, море, чужая жизнь за стеклом. Кофе наконец-то перестал отдавать горечью, а еда обрела забытый вкус. Даже солнце будто светило мягче. Я позволила себе эту паузу: вышла на пляж, скинула обувь. Горячий песок под босыми ногами обжигал, возвращая в реальность.

После обеда навалилась дремота. Я вернулась в номер и забылась коротким, но тяжёлым, как обморок, сном. Когда открыла глаза, солнце уже сползло к горизонту.

Вечер обещал быть особенным: ужин на яхте. Внутри отозвалось лёгкое, щекочущее волнение. Я выбрала платье — шёлковое, струящееся, в котором снова чувствовала себя красивой. Всмотривалась в своё отражение в зеркале, будто проверяла: действительно ли я справлюсь? Действительно ли смогу быть этой новой, спокойной женщиной? В груди жило странное сочетание — тихой решимости и почти девичьего трепета.

Выйдя из отеля, я замерла, наслаждаясь тишиной и предвкушая предстоящую поездку на яхте. Но когда за мной подъехал шаттл, сердце почему-то застучало быстрее. Дорога промелькнула коротким кадром. Вскоре мы въехали на территорию огромного отеля, пересекли её насквозь и выехали к шикарной набережной, прибрежный периметр которой был устлан множеством яхт. Меня высадили у длинного пирса и вручили табличку с названием моего отеля. Водитель сообщил, что за мной сейчас должны подойти, и уехал.

Вскоре из сумерек подошёл мужчина в белой длинной дещдаше. Он молча кивнул, взял табличку и повёл меня по пирсу к яхте.

Когда я поднялась на борт, то, оглядевшись, заметила, что вокруг ни души. Это сразу меня насторожило. А где же все остальные люди? — подумала я. Всё это стало выглядеть подозрительным, в голову закрались тревожные мысли.

Я прошла вперёд, на нос яхты. Солнце садилось, лёгкий ветер трепал подол платья. Внезапно судно дёрнулось. Я резко обернулась — и в хвостовой части увидела белый силуэт. Он стоял спиной к закату. Когда подошла ближе, то не поверила своим глазам: это был Халид.

Он выглядел до невозможного эффектно. Безупречная дещдаша из роскошной ткани, украшенная тонкой вышивкой, восточный профиль, белоснежная улыбка. Его лицо сияло спокойствием и уверенностью. Он развёл руки, приглашая в свои объятия, которым я была отнюдь не рада.

Замерев, я до боли сжала кулаки. Губы предательски дрожали.

— Что ты устроил? — я смотрела на него с яростью. — Снова играешь в игры? Почему же ты один, без своей блондинки?

Он лишь тихо засмеялся:

— Она себя плохо вела. Пришлось скормить акулам.

Я оцепенела. Холод прошил меня насквозь, вытесняя остатки утренней решимости.

— Ты думаешь, это смешно? Что за чудовищный, чёрный юмор, Халид?

Он лишь слегка склонил голову, и в этом жесте было столько же грации, сколько и скрытой угрозы.

— С тобой ничего подобного не случится... — он сделал паузу, сокращая расстояние между нами. — Если ты не забудешь, кто истинный хозяин твоего сердца.

— Хватит! Всё, достаточно! — сорвалось у меня с губ, — Я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. Каждая минута той ночи теперь кажется мне горькой ошибкой. Пожалуйста, отвези меня обратно в отель.

Я резко развернулась, чтобы сойти с яхты, но трапа уже не было — судно бесшумно отчалило от берега. Тёмная полоса воды между пирсом и бортом стремительно росла, отрезая мне путь к спасению. В этот момент его пальцы стальным обручем сомкнулись на моём запястье. Рывок — и я снова лицом к нему.

— Ты ведь помнишь мои слова, Агата? — его голос стал вкрадчивым, почти нежным, от чего по коже побежали мурашки. — Всё, чего я желаю, рано или поздно становится моим. В твоих интересах — быть благосклоннее. Или ты действительно хочешь последовать за блондинкой?

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Воздух вокруг стал тяжёлым, как перед грозой.

— Просто отпусти меня, Халид, — прошептала я, пытаюсь сохранить остатки достоинства. — Давай закончим этот бессмысленный разговор. Мы друг другу никто. Нам больше не о чем говорить.

— Напротив. — он криво усмехнулся, не отпуская моей руки. — Ты — моя женщина. И ты сама подтвердила это в ту ночь. Ты не прогнала меня, ты отдалась мне без остатка. Сегодняшний вечер принадлежит нам двоим. Прошу тебя, веди себя учтиво и не оскорбляй моего гостеприимства. Если будешь послушной, мы проведём время незабываемо. У меня даже есть подарок, который я приготовил специально для тебя. Только ты, я, море... и наше бескрайнее счастье.

Он повёл меня внутрь яхты, и мне ничего не оставалось, как покорно идти за ним. В груди всё сжималось от надрывистого, оглушительного стука сердца. Сопротивляться было бессмысленно и страшно — мысль о его чудовищной шутке про акул не отпускала. Кто знает, может, это была вовсе не шутка. Перед глазами всплыло лицо Ибрагима — его ледяной взгляд, зловещий шрам, рассекающий щёку. Этот человек не походил на телохранителя из гляцевых фильмов. Скорее — из тех, кто без слов понимает, когда нужно выкинуть тело за борт.

Никто не знал, где я. Ни мама, ни Зоя. Никто. Я сама согласилась сюда приехать, добровольно угодила в эту мышеловку. Если со мной что-то случится, они даже не будут знать, где искать меня.

Выжить — это тоже искусство, и я должна была освоить его на ходу.

Я решила подыграть. Перехитрить. Стать мягкой, гибкой, как вода, и неуловимой, как тень. А потом — найти способ выбраться. Я ясно понимала: открытое сопротивление сейчас опаснее всего.

Мы спустились вниз. Халид шёл уверенно, не оглядываясь, а я шаг за шагом следовала за ним вглубь яхты, будто ступала по самому краю лезвия.

Наконец мы вошли в просторное помещение. Оно напоминало лаунж-зону элитного клуба, оказавшуюся в самом сердце роскошного судна. Свет здесь был приглушённым: по потолку пульсировала мягкая подсветка, а голубовато-фиолетовые отблески играли на лакированных панелях и зеркальных поверхностях. Звучала медленная восточная мелодия — тягучая и пугающе чувственная.

В центре стоял накрытый стол: белоснежная скатерть, хрусталь, фарфор с золотым кантом и блюда с фруктами. Посреди этой сервировки красовался огромный букет коралловых роз. Воздух был пропитан их ароматом вперемешку с древесными нотами догорающей в углу свечи.

Халид жестом пригласил сесть. Отодвинув стул, он уверенно усадил меня, сам же расположился напротив, по-королевски откинувшись на спинку. Смотрел на меня не отрываясь — так смотрят на желанную добычу.

— Угощайся, — произнёс он, пристально наблюдая за моей реакцией. — Что ты предпочитаешь сегодня: белое или красное?

Я понимала: вино — единственное, что способно хоть немного притупить мою внутреннюю агонию.

— Белое, — ответила я, постаравшись сдержать волнение в голосе.

Он наполнил фужеры, и раздался тонкий, издевательски чистый звон хрусталя. Мы чокнулись. Я сделала два быстрых глотка, почти не почувствовав вкуса, и тут же отставила бокал.

Стол ломился от блюд ближневосточной кухни, оформленных с поистине имперским размахом. Ароматный плов в массивной чаше, долма в глянцевых виноградных листьях и жареный ягнёнок, сочащийся специями, — всё выглядело ярким и щедрым, но бесконечно чужим. Я положила себе немного еды, отчаянно пытаюсь имитировать аппетит, но горло перехватило. Желудок протестовал против каждой крошки.

Халид же ел с каким-то хищным наслаждением. Он откусывал сочное мясо, облизывал пальцы и жадно запивал всё вином, ни на секунду не сводя с меня глаз. Его взгляд буквально пожирал меня. Казалось, что вся эта удушливая атмосфера обнажает меня, лишая последних крох воли. Я продолжала глотать вино, ощущая, как тело сковывает ледяной страх.

Спустя время он приготовил для меня кальян, а сам раскурил сигару. В надежде разрядить обстановку, я попыталась завести разговор:

— Расскажи о себе... У тебя есть семья?

Халид лишь коротко ухмыльнулся, и в этой усмешке я уловила что-то жёсткое.

— Зачем тебе это? Сегодня я не хочу говорить о них. Сегодня существуем только мы.

Бесшумно поднявшись, он подошёл ко мне со спины и обхватил за плечи. Я вздрогнула, когда он зарылся лицом в мои волосы.

— После нашей ночи в пустыне я целый день не принимал душ, чтобы сохранить твой запах на себе, — прошептал он мне в самую шею. — Я скучал, Агата... И хочу утонуть в тебе снова.

Его горячее дыхание и близость лишали меня остатков самообладания. Сердце колотилось в сумасшедшем ритме, а по телу разливался предательский жар, смешанный с леденящим трепетом.

Внезапно Халид развернул меня вместе со стулом и прижал к себе так, что моё лицо уткнулось в его торс. Он обвил мои плечи руками и медленно провёл пальцами по моим волосам.

— Ты умная женщина, — прошептал он с каким-то скрытым сарказмом. — Я знал, что ты сама сумеешь найти правильные объяснения всему...

Внутри меня что-то щёлкнуло — словно последний рубеж моего сопротивления дал трещину. Собрав остатки сил, я жалобно прошептала, почти задыхаясь от отчаяния:

— Пожалуйста... умоляю, оставь меня. Не трогай... Это слишком для меня. Через три дня я улетаю домой. Позволь мне провести это время спокойно. Я и так пережила слишком много эмоций из-за нашего с тобой знакомства...

Мой голос дрожал, слова рвались наружу. Но на губах Халида лишь заиграла лёгкая улыбка — холодная и пугающе уверенная. Без лишних слов он мягко, но решительно закрыл мой рот ладонью, будто заставляя замолчать не только меня, но и саму мою суть.

Затем он легко, словно я ничего не весила, поднял меня на руки и унёс в глубину яхты — в каюту, погружённую в тишину и сумрак. Опустил меня на широкую постель с плотной простыней, словно укладывал сокровище, которое больше никогда и никому не отдаст.

Не дожидаясь моего согласия — как изначально у нас повелось, — Халид начал снимать с меня платье. Он делал это медленно, будто разворачивал запретный дар. Тонкий шёлк послушно соскользнул вниз, обнажая тело: горячее, дрожащее, незащищенное. Сначала он коснулся моих коленей ладонями — мягко, почти бережно, — но в следующее мгновение его пальцы мёртвой хваткой вцепились в мои бёдра, властно раздвигая и удерживая их.

Его губы скользили по моему телу — по животу, груди, снова спускаясь ниже. Он метался, словно обезумев от желания, жадно вдыхая мой запах и впитывая его каждой клеточкой, будто пытался насытить вечный голод своей души. Его пальцы коснулись лодыжек, властно обхватили ступню, и он принялся целовать мои пальцы один за другим — настойчиво, как в каком-то древнем, священном ритуале.

— Ты моя, — шептал он, обжигая кожу дыханием. — От кончиков волос до кончиков ног. Я запомню каждый миллиметр тебя.

Халид прижал мой затылок к матрасу, резко сжав волосы у самых корней. Я вскрикнула — не столько от боли, сколько от захлестнувшей меня волны ярости, страха и невольного, пугающего возбуждения.

— Вот так... — выдохнул он мне в висок. — Не сопротивляйся. Ты же знаешь, что это нужно тебе не меньше, чем мне.

Он вошёл в меня резко, как шторм. Я задохнулась от этого напора. Его движения были грубыми, сокрушительными, но при этом невыносимо чувственными — словно он хотел не просто обладать телом, а разрушить саму мою душу.

Затем он поднял меня с кровати, прижал к стене и снова вошёл, сдавив ладонью мою шею.

— Ощути, насколько ты живая, — хрипло выдохнул он. — Это не сон и не мираж. Это я. Это ты. Это мы.

Затем он повалил меня на ковёр и, намотав мои волосы на кулак, заставил выгнуться навстречу его бешеному ритму. Он брал меня сзади — жёстко, неоспоримо, словно вколачивал в моё сознание единственную истину. И каждый его толчок звучал как окончательный приговор:

— Ты — моя.

Не давая мне даже мгновения, чтобы отдышаться, он поднял меня с пола и бросил обратно на постель. Схватив за щиколотки, Халид резко развёл мои ноги и встал между ними.

— Смотри на меня, — приказал он. — Я хочу видеть, как ты таешь. Как горишь. Только для меня.

Он входил в меня снова и снова. Сильнее. Жёстче. Будто доказывал что-то себе, мне и всему миру. Я вскрикивала, пыталась увернуться, но всё было напрасно — он держал меня мёртвой хваткой, как добычу, которую невозможно отпустить. В какой-то момент он наклонился, коснувшись языком моих губ, шеи и скул.

— Даже если ты улетишь в свою холодную Россию, я всё равно останусь внутри тебя. Знаешь, почему? — прошептал он, опускаясь всё ниже. — Потому что сейчас ты запоминаешь меня телом. А тело никогда не врёт.

Он перевернул меня на живот и, навалившись всем весом, снова вошёл. Ритм становился неистовым. Халид сжимал мои бёдра так, что его пальцы оставляли следы, а губы — невидимые ожоги.

— Так хорошо... — выдохнул он. — Ты слышишь, как ты стонешь? Слышишь себя?

Я вжималась в подушки, пытаюсь проглотить крик, но не могла. Грудь тёрлась о простыню, спина выгибалась. Халид удерживал мои руки, прижав запястья одной ладонью к матрасу, а второй продолжал скользить по моему телу.

Затем он снова перевернул меня лицом к себе.

— Я не закончил, — прошептал он совсем тихо.

Уложил меня поудобнее и устроился между моих ног.

— Вот так... Моя хорошая девочка. Моя Агата.

Он начал медленно. Глубоко. Ровно. Он смотрел мне прямо в глаза, заставляя чувствовать каждое движение, каждую пульсацию.

— Ты моя слабость. Моё безумие. И теперь — моя зависимость.

Я не выдерживала — не того, что он делал, а того, как он это делал. Словно он действительно сливался со мной в одно целое. Потом он сел и усадил меня сверху. Сжимал грудь ладонями, целовал шею, подбородок, губы. Он поднимал меня на пик снова и снова, пока я не закричала, окончательно потеряв контроль:

— Господи!

А он смотрел на меня снизу вверх и шептал:

— Ты забыла, кто я? Я твой бог, Агата. Я творец этого безумия. И ты молишься мне, даже если сама этого не осознаёшь.

Когда всё закончилось, я лежала на нём, обессиленная, будто выброшенная на берег волна. Его грудь ходила ходуном, дыхание срывалось, и только руки всё ещё крепко держали меня, словно он боялся, что я исчезну. Он провёл ладонью по моей спине, потом ниже, мягко приподнял моё лицо за подбородок и, глядя в глаза, прошептал:

— Ты горюшь. Ты вся пульсируешь. Ты чувствуешь?

Я едва заметно кивнула. Халид усмехнулся и, аккуратно выскользнув из-под меня, нагой пересёк каюту. У столика он на мгновение замер, разливая вино, а затем, сделав пару глубоких затяжек, застыл с закрытыми глазами. Из его лёгких медленно выплыл дым, мгновенно окутав комнату терпкой, сладковатой пеленой.

Он обернулся и пошёл обратно, неся в руках два бокала — его движения в этом сизом тумане казались хищными и в то же время невероятно ленивыми.

— За женщину, которая умеет сходить с ума красиво, — произнёс он, слегка чокаясь со мной. — И заставляет терять рассудок в ответ.

Я выпила, прикрыв глаза. Горло обожгло, но приятно.

— Пойду в душ, — прошептала я едва слышно.

Он промолчал. Только смотрел мне вслед, вглядываясь в мой обнажённый силуэт, скользящий между теней. Откинувшись на спинку кресла, Халид снова выпустил дым в потолок, а затем медленно поднялся. По пути в душ он включил джакузи: каюту наполнил ровный гул, а огромная чаша начала стремительно заполняться теплой водой, взбивая пышные облака белоснежной пены. В полумраке мерцали подсвечники, и дрожащее пламя отражалось в лакированных панелях, когда он шагнул в пар за моей спиной.

Я стояла под тугими струями воды, волосы тёмной волной стекали по спине. Я намылила плечи и грудь, когда кожей почувствовала его жар.

— Ты думала, я позволю тебе так просто смыть мои поцелуи? — прошептал он, прижимаясь своим горячим телом к моей мокрой спине.

Я вздрогнула, хотела ответить чем-то колким, но слова застряли в горле. Его руки уже обвили мою талию, скользнули выше, уверенно и нежно сжимая грудь. Халид развернул меня к себе, вода хлестала нам в плечи, в лица. Он подхватил меня на руки и, прижав к холодной плитке, с какой-то сдержанной яростью резко вошёл. В его взгляде снова вспыхнуло это животное неистовство охотника, уверенного, что жертва не вырвется.

— Ты вся моя. Слышишь? — хрипел он. — Мокрая, дрожащая, безоружная. И я буду брать тебя, пока ты не забудешь, кто ты. Пока не останется лишь твоё «я».

Мы снова растворились друг в друге. Под водой, в жаре душа, в хлопках тел, в каплях, что стекали по моим соскам, по его груди, по нашим губам. А потом, когда я, дрожащая и безвольная, обмякла в его руках, он не дал мне упасть. Сняв полотенце с крючка, он закутал меня, прижимая к себе.

— Теперь, — выдохнул он, заглядывая в мои глаза. — Теперь — туда, где вода будет ласкать нас обоих так же, как я ласкаю тебя.

Он отнёс меня на руках бережно, словно самую большую ценность в своей жизни. Джакузи пенилось под рассеянной тёплой подсветкой; над водой поднималось лёгкое облако пара, тая среди лакированных деревянных стен.

Халид посадил меня в горячую воду и сам опустился рядом. Пузырьки пенились, вода ласкала кожу, но его пальцы были горячее. Обвив мои колени, он раздвинул их и снова вошёл — медленно, до самого конца.

— Вот так... — шептал он, обжигая поцелуями шею. — То, что между нами, — это больше, чем желание. Больше всего, что я когда-либо ощущал.

Вода мерно всплескивала, пульс гулко отдавался в висках. Халид держал меня крепко, двигаясь с гипнотической ритмикой, а затем на выдохе произнёс:

— Сегодня ты стала моей навсегда.

...Позже, когда пар от джакузи рассеялся, мы снова оказались в спальне. Я лежала обессиленная, обнажённая на простынях, в полузабытьи, с ощущением, что всё вокруг — не реальность, а лихорадочный сон. Халид был рядом. Присев на край кровати, он какое-то время молчаливо любовался мной.

— Я утонул в тебе, сказка, — сказал он наконец. — Это было... великолепно.

Он не пообещал ни любви, ни будущего. Только эти слова. Но в его интонации чувствовалась безапелляционность: он взял своё — и отныне это принадлежит лишь ему.

Подойдя к сейфу, Халид достал небольшую коробочку из чёрного бархата. Вынул украшение, похожее на амулет из сказки: крупный, багрово-красный камень в восточной кружевной оправе из платины. Цепочка переливалась на его ладони. Камень походил на рубин, но был крупнее, загадочнее, с такой глубиной, будто внутри пульсировало сердце.

— Это наш талисман, — сказал он. — Символ чувств и нашей связи. Пусть лежит на твоей шее как моя печать.

Он медленно надел его на меня. Камень расположился точно между ключиц. Пальцы Халида обвили цепочку сзади, и в этот момент он прижался губами к моему затылку.

— Теперь ты моя. Какое бы расстояние нас ни разделяло.

Я снова промолчала — слов просто не нашлось. Сердце колотилось, а разум всё ещё был окутан туманом.

Мы вышли на палубу. Утренний воздух был свежим, на горизонте только-только рождался свет. Первые проблески солнца затрепетали на глади моря, а вдали уже показался берег Акабы.

Когда мы подошли к борту яхты, Халид мягко скинул с меня простыню и, будто впервые, посмотрел с какой-то неподдельной нежностью. В этот миг его словно подменили: он стал иным — без дикости, без прежнего давления. Прижавшись к моей спине, он медленно вошёл в меня, обхватив за талию. Он двигался осторожно, с таким трепетом, словно боялся ранить. Халид касался моих волос, целовал мочку уха и шептал:

— Вот так... Тихо, как рассвет. Мягко, как ветер. Я чувствую тебя каждой клеткой. И хочу, чтобы ты чувствовала то же самое.

Я не сопротивлялась. Лишь закрыла глаза и позволила себе раствориться в этой нежности, пока небо вспыхивало первыми золотыми лучами. Он занимался со мной любовью — я чувствовала это. Чувствовала, что в те минуты зарождалось нечто большее, чем просто желание. Рождались чувства.

После он бережно поцеловал мои запястья и прикрыл моё тело простыней. Обронив лишь неловкую улыбку, я удалилась в душ. Голова гудела, тело всё ещё трепетало, а мысли были ужасно спутаны. «Кто же он на самом деле?» — пыталась понять я, подставляя лицо под струи

воды. В зеркале отражалась женщина, которую я едва узнавала: взгляд стал глубже, движения — тише, а в чертах лица появилось что-то неуловимое, какая-то новая, пугающая меня загадочность.

Вскоре мы вышли на палубу — яхта только-только пришвартовалась к пирсу, и уже через считанные мгновения мы покинули судно. На берегу, у машины, стоял Ибрагим. Сложив руки за спиной, он покорно ждал любой команды, не сводя с нас своего тяжёлого, сфокусированного взгляда. Халид кивнул ему, а потом повернулся ко мне. С едва заметной улыбкой он коснулся кончиком пальца сначала своих губ, потом — моих. Его глаза в этот миг блеснули мягко и торжествующе.

И ничего мне не сказав, он развернулся и ушёл обратно.

Я отправилась к Ибрагиму. Всего через несколько минут чёрный седан свернул под арку знакомого отеля. Я бегло проскользнула к своему корпусу и поднялась в номер. Переступив порог, закрыла за собой дверь. Соскользнула вниз по стене и осталась сидеть на полу, глядя в одну точку. На осмысление случившегося просто не оставалось сил.

ГЛАВА 12. Коралловые розы

Несколько минут я сидела под дверью — без каких-либо мыслей, с затёкшими ногами и ноющим телом. В комнате стояла тишина, солнечные полосы пробивались сквозь шторы и резали пол. Сделав пару глотков воды, я сразу же рухнула в постель. Прохладные простыни окутали меня и немного расслабили. Но никак не получалось уснуть. Обрывки забытья тут же прерывались тревогой. В груди гудело, будто сердце работало на износ.

До вылета оставалось три дня. Совсем немного — и я снова буду дома. Мне бы радоваться, но внутри зрело дурное предчувствие, будто эта история так просто не закончится. Эта мысль буквально преследовала меня, не давая покоя.

Воспоминания о прошедшей ночи возвращались и образами, и реакцией тела. Вспышками — его взгляд, голос, горячие руки. От них бросало то в жар, то в холод. Низ живота сводило, по коже пробегали колкие мурашки. А потом накатывала пустота — леденящая, глухая. Вся эта история с Халидом ломала мой внутренний закон. Я корила себя, занималась самопоеданием.

День прошёл в каком-то глухом сопротивлении. Тело не хотело двигаться, а в голове шумел тревожный рой. Я очень долго сидела в ресторане: пила всё подряд — воду, кофе, соки; ела горячий суп и снова пила. Голод казался бездонным, но еда не помогала заполнить пустоту. Мой отпуск разлетелся на мелкие осколки, но я уже была не в силах ничего исправить.

Вернувшись в номер, я написала сообщение маме и снова упала в кровать. Не успев заснуть, услышала, как в дверь неожиданно постучали. Удивилась, но поспешила открыть. На пороге стоял сотрудник отеля с огромным букетом коралловых роз. Это был букет от Халида. Я узнала его сразу. На мгновение стало неловко.

— Для вас, — сказал он с многозначительной улыбкой, вручил цветы и ушёл. Между бутонами лежала записка:

«Ты оставила то, что принадлежит тебе. Я ошибся, отпуская то, что принадлежит мне. Это нужно исправить».

Мысли окончательно спутались. Положив букет на тумбочку, зарылась под одеяло с головой.

Я проснулась около восьми вечера. Голод снова дал о себе знать. В ресторане набрала много разной еды: мясо, картошку, салаты — туман в голове потихоньку рассеивался. Перед сном неспешно прогулялась по территории отеля. Красота сада, свежий воздух, вечерняя тишина — всё это уравнивало. Но тело отзывалось ноющей болью.

Вернувшись в номер, я попросила рум-сервис подготовить ванну. Когда вода поднялась белым облаком пены, сбросила сарафан и погрузилась в тепло. Вода обволакивала, снимая напряжение с каждой мышцы. Но вместе с расслаблением тела возвращались и воспоминания. Халид. Его руки, голос, запах. Нежность и грубость. Ловила себя на том, что хочу видеть его вновь. Мурашки по коже будто сами искали его прикосновений. Что он сделал со мной? — мелькнуло в голове. Безумие.

Я понимала: будь его темперамент помягче, то окончательно бы потеряла голову. Но его холодность, резкость, это животное начало удерживали от полного растворения. И всё же внутри росло желание, которое я так боялась признать. Он не мой человек. Не тот, кому можно всецело довериться. Что вообще за средневековое варварство — брать силой? Пользоваться по умолчанию. Хватит, я уже пережила одни нездоровые отношения — вторила себе.

Весь остаток вечера маялась, пыталась совладать с навязчивыми мыслями, привести голову в порядок. Уснуть удалось лишь глубоко за полночь.

ГЛАВА 13. Созерцание как сила

Прошлое не исправить. Оно случилось — со всеми страхами и унижением. Но теперь это был просто ожог, который перестал пульсировать.

Я лежала неподвижно, глядя, как утреннее солнце полосует занавески. В голове наконец-то стало ясно: никакого тумана, никакой дрожи вдоль позвоночника. Организм за ночь будто переработал всё пережитое. Я чувствовала себя выспавшейся и — впервые за долгое время — спокойной.

Хватит самоедства. Я здесь гость. Еще два дня, и всё.

План на сегодня простой: завтрак, кораллы в морском центре, парк Аль-Хафайер. Мне нужны эти снимки, нужна зелень и чужая, неспешная жизнь вокруг. А на завтра уже заказан трансфер. Шесть вечера — холл отеля, три часа ночи — самолет на Москву.

Обратный отсчет пошел.

В лобби ко мне подошли две женщины, примерно шестидесяти лет. Обе ухоженные, в добротных льняных брюках и шляпках — что-то в них сразу выдавало опытных путешественниц.

— Простите, вы говорите по-русски? — спросила одна, улыбнувшись одними глазами.

— Да, я из Москвы.

— А мы из Казани. Я Лилия, а это моя сестра Римма.

— Агата.

— И куда вы сегодня путь держите? — с интересом прищурилась Лилия.

Я коротко рассказала о научном центре и парке Аль-Хафайер. Римма тут же оживилась:

— О, мы как раз гадали, куда податься. Не против, если мы составим вам компанию?

— Конечно, только за!

Разговор пошелся легко, как с давними знакомыми. Они вспоминали медицину, Мёртвое море, смеялись и перебивали друг друга. В этой простоте было что-то по-настоящему терапевтическое.

— Девочки, давайте только пообедаем нормально? — спохватилась вдруг Римма. — Я сегодня толком не позавтракала, скоро мой желудок запеть решит.

— Конечно. После рыб и кораллов сразу в кафе, — поддержала я. — Вы ведь наверняка здесь пробовали какие-нибудь вкусные местные блюда?

— О да! — закивала Лилия. — Мансаф! Это не мясо, это сказка. Тушеное, в кислом йогуртовом соусе, с рисом и лепешками... Мы теперь только о нем и грезим.

— Вот его-то и съедим сегодня! — хохотнула Римма.

Их смех заполнил лобби. Это было идеальное утро — легкое, шумное и совершенно безопасное.

Впредь, куда бы я ни поехала, какие бы планы ни строила, буду путешествовать исключительно в компании и желательно — женской. Это совершенно разный стиль отдыха. Посещать одной чужую страну — ошибка, приятнее делить впечатления с кем-то, — сделала я вывод для себя.

Мы направились к зданию морского центра. Панорамные окна открывали вид на яркие кораллы и рыб, словно аквариум занимал всё здание. Внутри — приглушённое освещение, запах воды и водорослей, эхо шагов.

В стеклянном тоннеле я наблюдала медуз, ярко-синих рыбок, скатов и акул. Красота подводного мира захватывала, игра света на чешуе рыб и переливы кораллов создавали ощущение волшебства. Вспомнилась шутка Халида о акулах — сердце слегка сжалось, но я вернулась к наблюдению, к радости от окружающего мира.

— Смотрите, какая красота! — сказала Лилия.

— Да, словно окно в другой мир, — поддержала Римма.

Закончив экскурсию, сделав множество фотографий, мы вышли на улицу, где жарко припекало солнце. И тут же Римма, у которой уже урчал живот, взмолилась:

— Девочки, вы как хотите, а я ни шагу дальше не сделаю, если сначала не поем.

Нам пришлось присматривать кафе. Мы свернули на одну из живописных улочек, стараясь шагать по тенистой стороне — солнце нещадно палило, и тень от высоких заборов была настоящим подарком. Вокруг мелькали вывески на арабском, прохожие неспешно шагали, а воздух наполнялся ароматом специй и свежего хлеба.

Наконец мы нашли уютное место, которое приглянулось нам своим дизайном и ухоженностью. Заняли небольшой столик под навесом, где щебетали птицы, а лёгкий ветерок, дующий из тени соседнего здания, приносил долгожданное облегчение от жары.

Все единогласно заказали мансаф. К нему я добавила свежавыжатый апельсиновый сок. За этим столом среди смеха, разговоров и новых открытий я почувствовала, как день начинает приобретать особенный вкус.

Затем был парк Аль-Хафайер. Огромный, в несколько гектаров — нам потребовалось два часа неспешной прогулки, чтобы обойти его целиком. Я снимала всё: пышные сады, фонтаны, укромные скамейки и завораживающие виды на залив Акабы.

Усталость накатывала постепенно: заныла поясница, ноги стали тяжелыми. Главная задача дня была выполнена — я отвлеклась, развеялась и помаленьку возвращала себе внутреннюю гармонию. Теперь хотелось только одного: прохладного душа и тишины в номере.

В пять вечера мы вернулись в отель. попрощались на ресепшене, договорившись встретиться позже, и разошлись. Впереди был свободный вечер и ужин, который обещал стать приятным завершением этого долгого, исцеляющего дня.

ГЛАВА 14. Крайний вечер отдыха

Вернувшись в номер, я заметила, что розы начали вянуть. Воспоминания о Халиде тут же нахлынули: по спине пробежали мурашки, а дыхание стало прерывистым. Это было невыносимо противоречивое состояние — отвращение в голове и вожделение в теле, которое казалось невозможным объяснить.

Приняв душ, я вышла на балкон с соком и устроилась в кресле. Вдыхая морской воздух, я смотрела на горизонт. И всё-таки это удивительная страна, — подумала я, прощаясь с Иорданией.

В комнате я включила музыку и впервые за долгое время почувствовала настоящую лёгкость. Но отпуск был на исходе: завтра предстоял переезд в Амман и вылет в Москву. Мысль об этом вдруг заставила меня рассмеяться вслух — неожиданно и искренне.

— Агата, ну неужели нельзя было так отдыхать с первого дня? Ты могла бы увезти домой море позитивных эмоций! Но нет — ты, как всегда, всё усложняешь, — отругала я себя.

Смех оказался освобождающим. Я смеялась над собой, над вечной привычкой всё анализировать и копаться в прошлом. И вдруг поняла: именно так делает мама. Она всегда разговаривает сама с собой — с иронией, за которой всегда прячется любовь. Мысль о том, что я сейчас так похожа на неё, принесла удивительное спокойствие.

Я сделала лёгкий макияж, уложила волосы мягкими волнами и надела голубую рубашку с джинсами. Белые кеды и сумка дополнили образ. Финальным штрихом стало облако любимых духов — тонкий аромат груши и зелёного чая окутал меня, добавляя хорошего настроения.

Ужин в ресторане оказался праздничным: отель отмечал годовщину открытия. Столы ломились от морепродуктов, вино лилось рекой, играла живая музыка. Ко мне подошел молодой официант и, широко улыбнувшись, произнес:

— Сегодня вы выглядите восхитительно, мадам.

Я покраснела, но улыбнулась. За соседним столиком иностранцы подмигивали и посылали воздушные поцелуи. Кажется, я наконец-то оттаяла, оставила позади все переживания и почувствовала себя именно так, как и положено туристу в отпуске — легко и беззаботно.

После ужина я отправилась в кальянный шатёр у самого пляжа. Устроившись на мягких подушках, вдыхала густой цитрусовый дым, пила чай с пряностями и смотрела на звёзды. Я изо всех сил пыталась удержать этот вечер — зафиксировать его в памяти как символ свободы, а не пережитой боли.

Затем еще немного посидела у бассейна. Голубая подсветка превращала воду в жидкое серебро. Я опустила ноги в прохладу и разговорилась с пожилой немецкой парой; они рассказали, что прилетают сюда каждый год и по-настоящему влюблены в это место.

Вернувшись в номер, я вышла на балкон и выкурила последнюю на сегодня сигарету.

— В Москве брошу, — пообещала я себе, хотя в глубине души понимала, как трудно будет сдержать это слово.

Смыв макияж, я надела халат, включила телевизор фоном и поставила таймер. Обняв подушку, погрузилась в безмятежный сон, позволяя себе наконец-то полноценно отдохнуть перед завершающим днем отпуска.

ГЛАВА 15. Без права остаться

Последнее утро в Акабе приготовило сюрприз. Резкий стук в дверь вырвал меня из глубокого сна. На телефоне было 4:17. Я подумала, что это приснилось, перевернулась на другой бок, но в дверь снова постучали.

Накинув халат, подошла к двери, заглянула в глазок — пусто.

— Кто там? — спросила я.

— Агата? Я от Халида. Мне нужно кое-что передать, — ответил мужской голос.

Я тёрла глаза, пытаюсь прийти в себя. Кто? Зачем в такую рань? Что ещё взбрело ему в голову?.. После секунды колебаний открыла дверь. Передо мной стоял Ибрагим. Он протянул конверт цвета слоновой кости со словами:

— Я подожду снаружи.

Взяв письмо, я закрыла дверь. Сердце стучало сбито.

Я вскрыла конверт. Бумага тёплая, плотная. Почерк ровный, мужской, с лёгким наклоном.

«Твоё последнее утро в Акабе...

Я хочу провести его вместе с тобой.

Позволь подарить тебе рассвет.

Мы встретим солнце вместе, с завтраком на свежем воздухе.

Ибрагим отвезёт тебя ко мне.

Я соскучился.

Твой Халид.»

Ответ пришёл сразу — телом, не мыслями. Да. Я хочу. Не знаю зачем, но хочу. И времени на сомнения уже не было. Я приоткрыла дверь:

— Мне нужно минут десять.

Ибрагим одобрительно кивнул. Я умылась, нанесла макияж, духи. Накинула платье, балетки, рюкзак — и вышла.

У ворот отеля ждал белый джип. Всю дорогу я смотрела в окно, пыталась представить, каким будет наше прощание.

Путь занял около тридцати минут. Мы свернули на серпантин: колеса хрустели по гравию, за стеклом мелькали сухие кусты. Вскоре впереди показался второй белый джип. В нем сидел мужчина в черной национальной одежде, с густой бородой. «Почему всё так серьезно?» — задумалась я.

Я вышла из машины и на мгновение застыла. Передо мной открылась панорама Красного моря, уходящего в сизую дымку. Далеко внизу виднелась узкая прибрежная полоса с пальмами и крошечными домиками, позади высились скалы, а прямо передо мной — бездна воды и небо. Я словно стояла на самом краю мира.

— Идёмте, — негромко сказал Ибрагим.

Тропа вилась среди кустов и багрянника. Ветер играл с моими волосами, принося запах соли. Вскоре на скалистом уступе показался шатер, у входа в который стоял Халид. Он распахнул руки:

— Доброе утро, моя любимая...

Тело само потянулось к нему. Я растворилась в его объятиях, и он повел меня к столу на площадке над обрывом.

Белая скатерть, фрукты, рыба, горячие лепешки и ароматный кофе — всё было готово для нашего завтрака под первыми лучами солнца. Халид усадил меня и сел напротив. Какое-то время он просто молчал, глядя на меня с легкой улыбкой, будто запоминал каждую черту моего лица.

Затем он встал, поцеловал меня в макушку и обнял сзади. В этот миг первый золотой луч упал на каменный пол у наших ног.

— Как солнце осветило землю этим утром, так и ты — мою жизнь, — прошептал он мне в волосы. — Я не хочу ночи. Не хочу прощаний.

Он осторожно развернул меня к себе и поцеловал — медленно, нежно, как в молитве.

Мы завтракали, пили кофе. Я старалась улыбаться, но сердце сжималось. «Завтра здесь меня уже не будет», — с необъяснимой грустью подумала я. Халид, почувствовав мою печаль, подсел ближе. Он приобнял меня и стал нежно гладить по предплечью.

— Позволь, я расскажу одну легенду, — тихо сказал он. — Жили две птицы — Аль-Хур и Ранима. Они родились под разным небом, но судьба свела их вместе. Птицы пережили бурю и жажду, но остались неразлучны. Так хотел Аллах.

Услышав его слова, я заплакала. Это была скорбь по тому, чему сбыться не суждено. Я так мечтала о настоящей любви, но меня уже ждала Родина, и эта арабская сказка подходила к концу. Халид посадил меня на колени, вытер слёзы и о чём-то пошутил, заставив меня сквозь грусть улыбнуться.

Мы взяли яблоки и пошли по узкой тропинке вдоль скал. Ветер приносил острый запах моря. Халид шептал что-то на ухо, целовал шею. В какой-то момент он остановился, заправил мне прядь за ухо и накрыл мои губы поцелуем — жадным, страстным. Его низкое рычание сводило с ума. Моё тело помнило его, звало его.

Он отстранился, сделал короткий телефонный звонок и вновь крепко взял меня за руку. В его взгляде появилось что-то дикое, необузданное. Мы пошли в обратном направлении.

У шатра он на секунду задержался, а затем провёл меня внутрь. Там царил полумрак, пахло коврами, фруктами и его кожей. Халид закрыл полог, отсекая нас от всего мира.

А дальше были поцелуи... мягкие, глубокие, он будто сдерживал в себе неистовый пыл. Его рука медленно скользнула по шее к плечу. Мы опустились на ковры. Халид не спешил, но в каждом его движении чувствовалась абсолютная власть. Сняв ляжку платья, он оголил мою грудь. Всё происходило молча, в густой тишине.

Когда он прижал меня к себе, я перестала думать. Существовали только дыхание, движение и его хриплый голос у самого уха. В этот миг я чувствовала, что по-настоящему живу.

После мы лежали, не двигаясь, в обволакивающей тишине шатра.

— Я не хочу, чтобы это закончилось, — тихо сказал он.

Я снова заплакала. Халид прижал меня к себе, шепотом благодарил Аллаха за это утро.

— Ты можешь остаться? — спросил он.

Я молчала.

— Во сколько самолет?

— В три ночи.

— Я заеду за тобой в семь вечера. Сам отвезу в аэропорт. Отмени свой трансфер.

Я только кивнула в ответ.

Мы ехали обратно в полном молчании под звуки печальной арабской песни. Его лицо казалось спокойным, но в каждом движении чувствовалось напряжение. Я смотрела на него украдкой, стараясь запомнить этот профиль, эти руки. И с каждой минутой всё яснее понимала: мой отъезд — это моё спасение.

У ворот отеля Халид заглушил мотор. Мы посидели в тишине. Наконец, не оборачиваясь, он негромко произнес:

— Мы не прощаемся. Всё решено. В семь вечера я буду ждать тебя здесь. На этом самом месте.

В воздухе повисла тяжелая пауза.

— Веди себя хорошо, Агата. Проведи день с пользой. Попрошайся с Акабой. До вечера. До встречи.

— До вечера, — ответила я и вышла из машины. Джип тут же тронулся, быстро растворившись за поворотом.

Я шла по территории отеля как во сне. Всё вокруг рассыпалось в зыбкой дымке: пальмы, светлая плитка, бассейн с дремлющей гладью воды. Я ничего этого не видела. Внутри меня продолжало жить наше утро — его свет, его тишина и его слова. Лучи восходящего солнца, жар его ладоней и уже такой знакомый голос у самого уха. Всё это не отпускало. Всё это било по сердцу снова и снова.

Фразы Халида звучали во мне, будто эхо в пустом храме. Здравый смысл взывал: «Агата, очнись! Ты взрослая женщина, а не девочка, чтобы бежать за ним в пустоту».

Я подошла к двери номера, вставила ключ-карту и толкнула дверь плечом. Внутри было тихо. А мой внутренний голос продолжал звучать удивительно ясно: «Я приехала за своей силой — и я её вернула», — подумала я.

Эта встреча с Халидом, вся эта восточная буря, его взгляды, прикосновения, жесты — всё это было моей сатисфакцией. Не перед ним. Перед собой. После того как бывший муж раздавил моё достоинство, Халид поднял его. И не просто поднял — вознёс к звёздам. Я снова почувствовала себя женщиной. Желанной, интересной, трогательной. Я вновь стала той, к кому тянутся. Кто разжигает огонь. Кто заслуживает даров, внимания и трепета.

Это была не любовь. Это было нечто большее — возвращение к себе.

Я выдохнула, налила стакан воды и медленно выпила его до дна. В голове уже выстроился четкий список дел: рынок, подарки, обед, прощание с морем, сборы... А вечером... вечером я снова увижу его.

ГЛАВА 16. За гранью доверия

День промчался незаметно. Успела попрощаться с морем: вдохнула соленый воздух и долго смотрела на горизонт, стараясь запомнить каждую складку на водной глади. Докупила сувениры, немного полежала в номере с закрытыми глазами, собирая силы. После сдачи ключей и дежурных благодарностей менеджеру — всё.

У ворот отеля чемодан катился следом, как покорная тень. Халида не было.

Сначала это было просто ожидание. Минута, другая, пять. Дорога молчала — ни машин, ни далекого гула мотора. Мир будто застыл на паузе. В груди дрогнуло — еще не паника, но явная тревога. Дыхание участилось, ладони вспотели. То состояние, когда нутром чувствуешь: что-то пошло не так.

— Отказаться от трансфера... Господи, Агата, умница. Самолет через восемь часов, а ты стоишь одна с чемоданом на другом краю страны. Bravo, — бормотала я.

В голове уже начали лихорадочно прокручиваться варианты, как выбираться отсюда, когда из-за поворота беззвучно вынырнула знакомая машина. Она медленно подкатилась и остановилась у моих ног. Халид вышел, молча закинул чемодан в багажник и вернулся за руль. Он был спокоен. Даже слишком.

— Ты с ума сошел? Я думала, ты уже не приедешь!

Он посмотрел внимательно, без тени вины, скорее с нежной ухмылкой:

— Прости. Готовил для тебя сюрприз и чуть не уложился по времени.

— Халид, у меня самолет! Ехать пять часов! Какой еще сюрприз, что ты снова придумываешь?..

— Поверь, тебе понравится. Просто доверься.

Всё было слишком идеально: улыбка, взгляд, ледяное спокойствие. Будто мы не расстались, а ехали праздновать годовщину.

— Лучше скажи, сколько нам ехать до аэропорта?

Халид смотрел на дорогу, не отводя взгляда:

— Сначала — сюрприз, — мягко, но настойчиво произнес он.

Сердце сжалось, как перед падением. Будто стоишь на карнизе и понимаешь: тебя уже толкнули, просто ноги еще не ощутили пустоту.

Мы ехали не спеша. В машине играло радио — быстрая арабская мелодия с кларнетами и дробью барабанов. Халид постукивал пальцами по рулю и покачивал головой, будто всё было нормально. Даже более того — будто ему радостно.

Читалось его приподнятое настроение, словно внутри него расцветала какая-то интрига. Я же, наоборот, с каждой минутой становилась тише. Почему он так счастлив, если мы должны попрощаться? Почему молчит? Почему не говорит, что за сюрприз?

Песок, редкие кусты, камни — дорога уходила в пустыню, а не в сторону Аммана. Заметив мой тревожный взгляд, он коснулся моей руки:

— Ты в безопасности, — прошептал.

Я кивнула. Но внутри всё было иначе.

«Безопасность — понятие гибкое. Особенно когда едешь в неизвестность с мужчиной, который умеет сделать так, чтобы ты молчала, даже когда хочешь кричать. Всё под контролем. Паспорт со мной, телефон, деньги, вода тоже. Спокойствие — твоя таблетка. Состав: пятьдесят процентов логики, пятьдесят процентов самообмана. Побочные эффекты — возможны, но нежелательны», — думала я.

Пальцы дрожали. Я положила руку на колени, глубоко вдохнула. Постаралась совладать с эмоциями. Но с каждой минутой становилось только темнее. Мы ехали уже минут тридцать. Молчание превращалось в пытку. Камни, дорога, редкие кусты сливались в одно.

— Халид, почему ты молчишь? — сорвалось у меня. — Почему я не могу получить прямой ответ? Сколько нам ехать до аэропорта?

Он обернулся на секунду, лицо застыло. Потом, помедлив, сказал:

— Агата, не нервничай сама — и не нервируй меня. Мы почти приехали.

— Что значит «приехали»? Куда? Нам ехать несколько часов!

Он кивнул на дорогу:

— Скоро всё узнаешь.

В горле пересохло. Пальцы дрожали — уже от злости. «Ну какая ты дура, Агата. Снова. Своими руками. Когда ты научишься делать выбор без оглядки на чужие эмоции?» — царапало подсознание.

Я открыла бутылку с водой, сделала пару глотков. Внутри всё кипело.

Поворот. Узкая дорога серпантинном уводила нас между каменных холмов. И вдруг — словно открылась сцена. Просторная площадка, освещённая луной, и посреди неё — вертолёт.

— Халид... Что это?

Он кивнул:

— Сказка. Мы с тобой полетим.

— На вертолёте? В Амман?

— Полёт займёт чуть больше часа. У нас почти четыре часа в запасе. Проведём их в удовольствии.

— Я ничего не понимаю.

Он смотрел на меня серьёзно и безапелляционно:

— Агата, эта страна — моя Родина. Я построил для себя два дома. Сегодня хочу показать тебе один из них, чтобы ты увидела, как я живу. Хочу накормить тебя ужином. Хочу, чтобы ты почувствовала мою жизнь и захотела быть её частью. Чтобы подумала... о будущем.

Я сидела, как в капкане:

— Нет. Халид, я не могу. Я буду постоянно думать о времени, о рейсе. В понедельник мне нужно быть на работе. Я должна быть в Москве и не могу опоздать на самолёт. Спасибо за сюрприз, но нет. Не в этот раз.

— Отвези меня поскорее в Амман, — произнесла я чётко. — Мы можем посидеть в ресторане там, в черте города.

Он слушал молча, потом тихо спросил:

— Кто из нас мужчина? Позволь мне самому решать. Всё под контролем.

Похлопал меня по руке, улыбнулся, заглушил двигатель:

— Агата, выходи. Нас уже ждут.

Я застыла. Халид обошёл машину, открыл дверь, достал чемодан, протянул руку:

— Пойдём.

— Ты... услышал, о чём я попросила? Мы летим в Амман? — ещё надеялась я.

Он закатил глаза, сделал жест — как человек, которому надоело объяснять, — отпустил мою руку и направился к вертолёту. Чемодан волочился за ним.

Включённые лопасти разгоняли ветер, песок летел в лицо, платье хлопало по ногам.

Впереди стояли трое мужчин. Двое в чёрных костюмах застыли, а третий шагнул навстречу, забрал у Халида мой чемодан и покатил его следом.

Халид не оборачивался. Я бежала за ним, чувствуя, как подкашиваются ноги. Он поднялся на борт первым и подал мне руку. Два охранника — следом за нами. Третий сел в машину Халида и уехал.

Дверь захлопнулась. Я оказалась внутри, словно в ловушке...

Сердце колотилось. Я всегда волнуюсь перед полётами, перед любой дорогой. А тут всё в один миг: неожиданный поворот, отсутствие контроля. А главное — я не понимала, вертолёт направится в Амман... или нет.

Мне хотелось, чтобы всё это закончилось немедленно. Чтобы я как можно скорее оказалась дома, в Москве, в старых штанах и с чаем у телевизора. Или хотя бы в Шереметьево — услышать русскую речь, поймать такси и радостно крикнуть в трубку: «Зоя, я дома!».

Я закрыла глаза и сжалась в комок. «Господи, только бы мы летели в Амман. Только бы он оставил эту затею с ужином», — молилась я про себя.

Один из охранников вынес поднос. В бокалах плескалось белое вино. Халид перехватил фужер и произнёс тост:

— За мгновения, которые сильнее времени!

«Вино меня немного расслабит», — подумала я и осушила бокал почти залпом. Халид тут же кивнул охраннику повторить.

Вертолёт скользнул ввысь и поплыл по тёмному небу. Внизу мелькали огни дорог и домов, будто кто-то рассыпал пригоршню звёзд. Пейзаж менялся: полная луна чётко обрисовывала контуры скал и долин.

— Халид, далеко ещё?

Он устало улыбнулся:

— Агата, расслабься. Сегодня был длинный день. Позволь мне немного вздремнуть.

Он откинул кресло и закрыл глаза. Я осталась одна в ровном шуме винтов. Вино уже разлилось по венам, но сердце всё равно отбивало тревожный ритм. Я всматривалась в окно, в серые переливы пустыни, и гнала прочь мысль: «А вдруг всё это закончится плохо?».

Наконец вертолёт пошёл на снижение. Халид проснулся, наклонился ближе и, легонько сжав мою руку, произнёс:

— Мы почти на месте. Добро пожаловать домой.

В лунном свете проявился силуэт огромного дома — словно каменная крепость, выросшая у самого подножия горы. Весь участок окружала полоса пышной зелени, которая казалась здесь настоящим чудом. Среди песка и кактусов расцвёл оазис: фонтаны, мощёные дорожки, оливковые деревья и пальмы. Рай в самом сердце пустыни.

Мы приземлились на площадку. Халид потянулся, разминая спину и шею, словно зверь, вернувшийся в родную стихию. Он помог мне встать и приобнял:

— Ну что ты, моя маленькая птичка... Зачем так бьётся сердце? Всё будет хорошо, я рядом. Сейчас покажу тебе дом. Мы вкусно поужинаем — я заказал всё самое лучшее. Расслабься. Наслаждайся.

Мы пересели в багги и направились к дому. Через мгновение массивные ворота бесшумно распахнулись, впуская нас на территорию. Дорога вилась среди кустарников с алыми цветами и зарослей розмарина. Пахло жасмином.

Несмотря на глубокий сумрак, фонари вдоль аллеи заливали участок мягким светом. Его было достаточно, чтобы разглядеть каждый уголок этого сада и залюбоваться им. Я смотрела по сторонам, не веря своим глазам, и думала о том, какая же разная у нас жизнь. Мы ютимся в квартирах по пятьдесят метров, а здесь — целое царство.

Будь у меня время, я бы с радостью осталась здесь на несколько дней. Но... Я снова посмотрела на часы. Страх опоздать на самолёт саднил в солнечном сплетении.

Мы остановились прямо у крыльца: массивные двери с узорами, ступени из светлого камня, арка. У входа стояли два мужчины. Один из них, в красивой форме, распахнул перед нами дверь. Второй сел на багги и уехал.

Дом ошеломлял: высокий холл, потолок на три этажа, светлые стены, ковры, фонтан, зелёные растения. Египетский стиль — огромные люстры, мозаика, арабески, исторический дух, но современный комфорт.

— Агата, присядь, — сказал Халид, указывая на мягкую зону. — Мне нужно сделать пару звонков. Я сегодня поставил всё на стоп. Скоро вернусь. Амир подаст тебе прохладительный напиток.

Он улыбнулся и, поцеловав меня в висок, ушёл.

Кахрам Амир спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.